

Одесса 1937 г.

# ИРИНА ЛЮБУСОВА



**ВРАГ КОВАРЕН —  
БУДЬ НАЧЕКУ!**

Если раньше Зинаида Крестовская была убеждена, что лугару — помесь человека и волка — это из области мифологии, то происходящие с ней события заставляют ее полностью поменять свое мнение. Работая в морге, поскольку никуда больше ее не приняли, Зинаида вскрывает весьма странные трупы — смерть несчастных наступила от того, что кто-то перекусил им сонную артерию.

После проведенного анализа становится ясно, что на их шее остались следы зубов человека...

# ЛУГАРУ

FOLIO

Ретродетектив

Ирина Лобусова

**Лугару**

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

**Лобусова И. И.**

Лугару / И. И. Лобусова — «ОМКО», 2019 — (Ретродетектив)

Если раньше Зинаида Крестовская была убеждена, что лугару – помесь человека и волка – это что-то из области мифологии, то происходящие с ней события заставляют ее полностью поменять свое мнение. Работая в морге, поскольку никуда больше ее не приняли, Зинаида вскрывает весьма странные трупы – смерть несчастных наступила от того, что кто-то перекусил им сонную артерию. После проведенного анализа становится ясно, что на их шее остались следы зубов человека...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019

© ОМКО, 2019

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Ирина Игоревна Лобусова**  
**Лугару**  
*Роман*

© И. И. Лобусова, 2019

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

## Глава 1



Одесса, шестой километр Овидиопольской дороги,  
конец мая 1937 года

Впереди показались крыши домов. Они выступали из-за деревьев в каком-то просто обжигающем, неприлично ярком, не нужном ему сейчас, свете луны, заливающим щедро окрестности растопленным серебром. Это серебро, как на фотопленке, проявляло очертания крыш – казалось, что они находятся совсем близко.

Там – поселок. Значит, осталось еще немного. Он закусил губу. Капли крови потекли по подбородку, обжигая остывшую кожу непривычным теплом, но он почти не чувствовал боли.

Что была эта боль по сравнению с окровавленными лоскутами его спины, с изувеченными руками и ногами? Там, давно, в прошлом, меньше месяца назад – дней, тянувшихся для него больше, чем десятки лет, боль была подобна слепящему раскаленному фонарю, терзающему его мозг невыносимыми, болезненными ожогами. Это было похоже на котлован, где его варили, и по ночам, впившись зубами во все, что он мог найти на каменном полу камеры, он даже плакал от боли, в темноте скрывая этот невыносимый позор. Смешно вспомнить! Тогда на его спине еще оставались клочки целой кожи, а на руках и ногах – целые, не сломанные, не обожженные пальцы, и с ногтями, под которые еще не засовывали раскаленные иголки, выворачивая наизнанку и ногти, и все, что оставалось еще живым...

Тогда он наивно думал, что это боль. Но потом она как-то трансформировалась, словно сжежилась до объема его вселенной, исключительно его мира, в котором больше не было мест для других миров. И он... сжился с ней, стал с ней одним целым, приняв эти ослепительно яркие точки алых сполохов, все еще порой тревожащие нервные окончания его измученного тела...

Так было. До тех пор, пока до крыш домов поселка – людского жилья – не оставалось нескольких коротких шагов. Стоящих больше, чем годы обычных человеческих жизней. Теперь, разглядев его смутные очертания за сельской грунтовкой, в темноте, он вдруг воспрял духом от этой огромной, долго сдерживаемой боли, отбросил ее. Боль стала... его крыльями к свободе. Крыльями, позволяющими взлететь над всем, оставив под собой мир, в котором

бетонные блоки стен с колючей проволокой, к которой был подведен ток высокого напряжения, оказались всего лишь бездной, трещиной в земной коре, уводящей вглубь, к самым потаенным глубинам боли и страха, о которых и понятия не имел Данте, описывая свой ад...

Мощный луч прожектора вдруг резко полоснул по земле, высветил полоску пожухлой травы у обочины грунтовой дороги и, увеличиваясь в размерах, как глаз хищника, принялся шарить вокруг, рыская в поисках добычи – окровавленного куска мяса, в котором никто больше не признал бы человека.

Прожектор в глухой ночи, вопреки осторожности, тщательно соблюдаемой под грифом государственной тайны, включенный на всю мощь, означал: что-то произошло... Ночью свет прожектора был запрещен – так же, как и собачий лай. Чтобы не тревожить жителей близлежащих сел, собак по ночам запирали в вольеры.

Но то, что прожектор включили, означало: руководство потеряло контроль, и это беда. Прожектор словно искал добычу, словно намеревался поглотить и заживо спалить своим ослепляющим светом.

Это его искали. К счастью, он точно знал, что сирены были запрещены. Но и без них слепящий прожектор в ночной темноте, исполняющий безумный танец по почти открытому полю, внушал чувство такого ужаса, по сравнению с которым все остальное казалось детским лепетом.

Он бросился на землю, быстро скатился в придорожную канаву и так застыл, вдавившись лицом в жирную, чуть влажную землю. От нее шел сладковатый запах тления, словно там, под этой землей, разлагалась живая плоть. Он поневоле подумал, что там могло быть на самом деле – наверняка траншея: рытвина в этом месте означала только то, что здесь закапывали трупы. И закапывали плохо, чуть присыпая землей, оттого так сильно чувствовался сладковатый, приторный запах.

Странно, но он вдруг поймал себя на том, что этот запах, ужасающий в нормальных условиях, совсем не внушает ему отвращения. Ноздри его сладко затрепетали, стараясь уловить малейшие оттенки, мельчайшие нюансы этого запаха. А из груди вдруг вырвался какой-то странный всхлип, напоминающий то ли рычание, то ли стон.

Он лежал и вдыхал этот аромат почти разрытой могилы, а прожектор все бился и бился по земле, словно пытаясь преодолеть пределы возможного, расширить свои границы. Когда он понял, что прожектор не достает до траншеи, он едва сдержал крик. Спасен!

Несколько сантиметров темноты означали спасение. И, все еще прижимаясь лицом к земле, он медленно пополз вперед, стараясь достичь грунтовой дороги, куда точно не попал свет прожектора.

И вдруг свет исчез. Руководство пришло в себя и вырубил панику. Это означало, что его собирались искать по-другому. Он ни секунды не сомневался в том, что за ним будет погоня. Он знал это в тот самый момент, когда сквозь обрушившийся прямо на него тоннель подкопа, с трудом, можно сказать, чудом выбрался в поле. Буквально вывалился, оставляя в земле кровавые следы, задыхаясь от неистовой жажды свободы, смешанной с таким мощным отчаянием, что за его плечами словно крыльями распускались новые, невозможные жизни, заставляя дышать снова и снова и бежать снова и снова.

Прожектор, погаснув в этой долгой ночи, означал шанс, за который стоило отдать всю свою кожу. Кое-как поднявшись на ноги, он как мог быстро зашкандыбал по рытвинам и колдобинам, больно ударяясь об острые камни земли распухшими ногами.

Но что это? Он вдруг увидел, как крыши домов села стали расплываться, дрожать и словно двоиться, покрываясь какой-то прозрачной дымкой. Что-то происходило с его глазами: он потерял остроту зрения, и очертания предметов теперь казались размытыми, словно их затопили мутной водой.

Он поднял руку к глазам, пытаясь протереть их... И вдруг так и застыл, с рукой, вытянутой на весу. Его кожа стала мертвенно-бледной, он это четко увидел.

В серебристом свете луны это выглядело ужасающе. Его рука словно была вымазана алебастровой краской такого жуткого оттенка, который не решились бы использовать нигде, даже в захудалой больнице. Этот белый цвет вдруг внушил ему такой ужас, что он, не помня себя, принялся бить и щипать свою руку, пытаясь вызвать прилив крови к коже.

Но это не помогло. Его кожа почти потеряла чувствительность – он совсем не чувствовал боли от этих ударов и щипков. А цвет ее не только не покраснел, наоборот – приобретал все более белые оттенки, чем-то похожие на синеватые переливы льда...

Его стало знобить. Он почувствовал страшный холод, несмотря на то что начиналось лето и жара уже стояла и по ночам. Тело его стала колотить не поддающаяся контролю дрожь, постепенно переходящая в лихорадку. Он почувствовал, что у него резко повышается температура тела. Его словно окунули в кипяток, и жар заполнял каждую клетку, каждый сантиметр его тела.

Впереди показались деревья – он скорее почувствовал, чем увидел их появление. Вытянул руки вперед, и вскоре уперся пальцами в шероховатый ствол. Деревья означали, что он вошел в деревню. Прислонился лицом к прохладной коре, пытаясь унять жар. Но это было невозможно.

Странное это было село! Здесь не слышалось ни единого звука, не было даже лая собак. Словно все жители резко попрятались в дома, толстыми ставнями и дверями отгородившись от остального мира, боясь встретиться с царящим вокруг злом.

А может, так оно и было на самом деле. Люди прятались, зная, что находится за бетонным забором с колючей проволокой под высоким напряжением, вдруг выросшим посреди лесопосадки и полей. И этот бетонный прямоугольник внушал им такой ужас, что они приучили даже местных собак не лаять по ночам.

А между тем в селе их было полно. Он отчетливо чувствовал запах этих злых псов, слышал их встревоженное дыхание за стенами будок. Странные собаки... Странное село...

Он отошел от дерева, сделал несколько шагов вперед, и вдруг неожиданная, жуткая, непередаваемая головная боль скрутила его с такой силой, что он едва не потерял сознание. И тут он перепугался не на шутку: эта головная боль была настолько мучительной, что впереди он уже увидел слепящие вспышки ярких взрывов, которые случались, когда его мозг реагировал на непривычное ощущение.

Он сжал руками виски, но это было бесполезно. Боль усиливалась, с каждой секундой, с каждым мгновением, и он уже ничего не мог с этим поделать.

Вдруг он стал испытывать сильную жажду. Язык его распух, весь рот словно горел огнем. Он пошел вперед и почти сразу уперся в деревянный забор дома на отшибе. Там он увидел, что за забором стояла бочка, полная дождевой воды.

Дальше он так и не понял, как это произошло и откуда в его изувеченных пальцах появилась такая сила. Он просто прикоснулся к дощатому забору и легко выломал несколько досок сразу, буквально вынул их из деревянной опоры – как спички из спичечной коробки. Затем ступил в образовавшееся отверстие.

Из собачьей будки, которую он сначала не заметил, вынырнул пес. Он был не привязан. Огромный злобный монстр размером с теленка, с оскаленными клыками, с которых капала слюна, издал глухой рык и замер в прыжке, чтобы броситься на него и вцепиться в горло... Но вдруг...

Он обернулся и встретился взглядом с безумными глазами собаки. И вместо прыжка та вдруг испуганно, трусливо присела на задние лапы, опустила голову, заскулила... Все это выглядело так, словно он огрел ее бревном. Затем, все так же тихонько скуля, собака стала пятиться назад и наконец спряталась в своей будке.

Но ему некогда было думать о странном поведении собаки. Он опустил голову в бочку с водой и принялся пить – жадно, захлебываясь, давясь, чуть ли не утопая... Но чем больше он пил, тем мучительней становилась жажда, и он никак не мог ее утолить.

Дыхание его стало затрудненным и хриплым. На теле выступила испарина. К головной боли добавилась боль в руках и ногах.

Его конечности стали распухать на глазах, и он вдруг увидел, что они увеличиваются в размерах. Пальцы на ногах искривились до такой степени, что врезались в старые стоптанные ботинки. Он сбросил их и сразу же почувствовал облегчение. Прохладная земля приятно холодила босую кожу распухших стоп.

Внезапно, непонятно почему, он стал испытывать страх. Ему стало казаться, что за ним следят сразу со всех сторон. Двор убогого сельского домишки показался ему замкнутым пространством, из которого любой ценой нужно было вырваться, бежать. Удержать его здесь не могла даже бочка с водой.

Он заметался по двору и вдруг согнулся пополам. Желудок скрутило с такой силой, что его буквально вывернуло. С ужасом он обнаружил, что во время рвоты вместе с водой, которую он только успел выпить, вышла какая-то густая слизь.

Грудную клетку стало жечь, словно ее прижигали огнем. Из его горла вырвалось какое-то гортанное бормотание, и с ужасом он понял, что если бы кто-то посторонний услышал сейчас его речь, то не смог бы разобрать ни слова.

Снова, заметавшись по двору, он буквально выпрыгнул на дорогу в отверстие в заборе, буквально отталкиваясь от земли руками и ногами.

На дороге были острые камни – но, ступая по ним, он совершенно не ощущал боли.

Под ярким светом луны дорога казалась белым полотном. Запрокинув голову вверх, к небу, он вдруг залюбовался луной, которая прямо на его глазах стала менять оттенок с желтовато-лимонного на багрово-красный – и так до тех пор, пока в его глазах не заплескал сочный, кроваво-алый цвет...

Красная луна... Не отрывая глаз, он все смотрел и смотрел на алый диск, стараясь запечатлеть в памяти мельчайшие детали этого невиданного зрелища.

Щелчки затворов – звук, который он не смог бы спутать ни с чем, – вдруг вырвали его из этого оцепенения.

– Стоять! Руки за голову! – Голос, зычно прозвучавший в темноте, показался ему комариным писком.

А между тем он был окружен. Он видел вооруженных винтовками солдат в форме НКВД, которые старались зайти к нему с тыла. Так вот почему выключили прожектор! Руководство приняло хитрое решение. Они знали, что он пойдет к поселку – больше здесь некуда было идти. И вместо того, чтобы привлекать внимание ярким светом, решили устроить засаду. Мудро, ничего не скажешь! Он даже усмехнулся мысли: против кого теперь обернулась эта хитрость? Против него? Или против них?

– Стоять на месте! Стрелять буду! – взвизгнул стоящий впереди солдатик, целясь в него из винтовки, когда он сделал несколько шагов. И, несмотря на оружие, солдатик почему-то стал пятиться.

Он вдруг почувствовал острый, пряный, самый искусительный запах людского страха! Это пьянящее ощущение ударило ему в голову, как молодое вино. Теперь они поменялись местами!

Теперь уже не он дрожащий, трясущийся ошметок жалкого человеческого мяса, который теряет последние капли достоинства под прицелами ружей! Теперь они боятся его, и так отчетливо, так сладостно он чувствует этот присутствующий в воздухе пьянящий страх!

Лицо солдатика показалось ему ослепительно-красным. Запрокинув голову вверх, к луне, он засмеялся. Стоящие по кругу преследователи вдруг побросали винтовки и бросились врассыпную. Он медленно пошел вперед, не сводя глаз с лица солдатика.

Тот вдруг тоже отбросил винтовку и неожиданно стал креститься – быстро, с размахом, всей пятерней... С его дрожащих губ стекала вязкая струйка слюны, а на форменных брюках стало расплываться большое темное пятно...

Последнее, что он видел перед тем, как все заполнил диск раскаленной красной луны, были глаза солдатика с расширенными до предела зрачками, неподвижно уставившиеся куда-то ему за спину. Затем луна приблизилась вплотную, и стало красным абсолютно все...

\* \* \*

Одесса, Лузановка, Одесса,  
начало июня 1937 года

Забор был сломан не просто так. Вот уже несколько поколений обитателей детского лагеря упорно проделывали брешь в каменной кладке с деревянной калиткой, расшатывая ее и сбивая камень. В результате образовалось довольно приличное отверстие вровень с землей.

Взрослый человек пролез бы в него с трудом. А вот подросток – с легкостью. Впрочем, именно на подростков, трудных обитателей лагеря в Лузановке, и была рассчитана древняя выщерблина – еще одна достопримечательность лагеря для трудных детей.

Трое мальчишек лет десяти с легкостью протиснулись в лаз и вскоре оказались за пределами лагеря, прекрасно ориентируясь в темноте. Близость моря наполняла воздух прохладой. Было далеко за полночь, и окрестности лузановского парка заполняла густая, сочная темнота, не нарушаемая ничем, даже редкими тусклыми огоньками в окнах жилых домов.

Лузановка была удивительно красивым местом! И хоть старые одесситы, упорно не замечая красот природы, по-прежнему именовали ее селом, все равно этот райский уголок природы достоин был самых восторженных взглядов.

Это было бывшее имение семьи Лузановых. В 1819 году император Александр I пожаловал эти земли генерал-майору от инфантерии Фоме Лузанову, который основал там имение и село. Так весь микрорайон и получил это название – Лузановка. Это была северная граница дореволюционной Одессы, однако сохранились старые карты, на которых эта местность не входила в черту города.

В 1924 году на окраине Лузановки был основан «Солнечный лагерь» для беспризорников. Это было нечто вроде приюта для детей, которых забирали с улицы. Он пользовался дурной славой – возможно, потому, что беспризорники, познавшие сомнительную сладость криминальной свободы, с трудом поддавались дисциплине и хоть какому-то воспитанию.

Они давно уже не были детьми, эти обитатели улиц времен гражданской войны, видевшие на своем коротком веку то, что не доводилось видеть и многим взрослым. Они не хотели учиться грамоте, они хотели учиться воровать. Поэтому воспитателями в лагере и работали бывшие военные, больше похожие на тюремных надзирателей, чем на педагогов. И порядки там были соответствующие.

В 1930-е годы лагерь в Лузановке преобразовали в санаторий «Украинский Артек». Контингент расширился – теперь в нем отдыхали и дети из приличных семей рангом пониже, получившие путевки в лагерь за отличную учебу и примерное поведение.

Но у старожилов Лузановки лагерь по-прежнему пользовался дурной славой. Была в нем какая-то особая атмосфера, развращающее действующая на детские умы. А потому часто случалось, что курить и пить алкоголь дети начинали именно в этом лагере. А еще многие обита-

тели по ночам отправлялись на поиски приключений – с помощью тайных лазеек, так удачно оставленных в заборе их авантюрными предшественниками.

И не любоваться красотами ночного моря лезли в лесополосу рядом с пляжем трое мальчишек, сбежавших из лагеря. Карманы одного оттопыривала стеклянная бутылка из-под кефира – туда было налито домашнее вино. А в карманах другого был табак, выпотрошенный из окурков, и папиросная бумага для самокруток.

Двое из них были старожилками – нагловатые, бойкие, они явно отправлялись в ночное странствие из лагеря не в первый раз. Третий же, щуплый конопатый мальчишка с почти белыми, выгоревшими на солнце волосами, нарушал правила лагеря впервые, от чего сильно нервничал и даже трусил по-настоящему, это было отчетливо видно.

Однако именно он упросил мальчишек взять его с собой ночью. И в доказательство серьезности своих намерений раздобыл бутылку вина, после чего был незамедлительно принят в компанию. Вино он украл у одного из вожатых, подсмотрев, что тот принес его к себе в комнату. В окрестностях были хорошие виноградники, и местные жители охотно продавали домашнее вино, пользовавшееся большим спросом, – из-за вкуса и дешевизны.

Мальчишки все вместе рванули прочь от забора лагеря, немного пропетляли в посадке и наконец оказались на берегу. В отдалении виднелись разбитые рыбацьи лодки. Именно туда они и пошли, уже устав, тяжело ступая по песку и стараясь не сильно отдаляться друг от друга.

Море было удивительно тихим. Похожее в темноте на черные чернила, оно напоминало о себе только удивительным запахом с примесью соли да редким красным среди черноты огоньком вдали – это виднелся знаменитый одесский маяк.

Пацаны присели на лодки, отхлебнули по очереди из бутылки. Принялись набивать самокрутки, делая это неумело – часть табака просыпалась на песок.

– А если вдруг... А пройдет кто? – Щуплому мальчишке даже глоток вина не придал храбрости, и он страшно трусил, поглядывая на невозмутимые лица своих товарищей.

– Да не дрейфь, халамидник!.. – хмыкнул старший. – Шо шкворчишь, как кура на вошь? Развел тут холуймес! Да засунь те шкварки до ушей на свою беременную голову и держи фасон! Тю! Тряпка ты фильдеперсовая, шлимазл подшкваренный... – Было видно, что он всю старается походить на взрослого биндюжника.

Вскоре самокрутки были розданы. Мальчишки затаились. Щуплый сразу же страшно закашлялся и уронил самокрутку на песок. Двое других разразились хохотом.

– Ой, картина маслом! Ушастый фраер на шухере! Лопни мои глаза, шоб я до конца жизни такие видел! – смеялся старший.

– Та засохни, шкрябалка ты протухшая! – внезапно прервал смех второй. – Шо, за уши мозга закипела, сам забыл, где такой был?

Резкий скрип заставил замолчать всех троих. Они замерли, прислушиваясь.

– Да нету здесь ни об кого, – неуверенно хмыкнул старший, – окромя халамидников...

– Та не скажи! – нервно отозвался второй. – А может, и не одни мы здесь! Ты легенду о человеке-свинье слышал?

– Шо? – Щуплый мальчонка просто на глазах задрожал. – А оно это как?

– Человек-свинья. Чудище, которое ходит по окраинам Одессы. После полуночи выходит, – коротко бросил старший. – Так... Стоп... Ты шо, за человека-свинью не слышал? – не поверил он.

– Нет... – побледнел щуплый.

– Та, может, и нету его, – хмыкнул еще один беглец. – Люди, может, языком мелют, брешут. А может, и есть. Я вот за то уже как за пару дней такое слышал.

– Люди просто так говорить не будут, – убежденно произнес мальчишка, который и заговорил о человеке-свинье, напряженно глядя в темноту.

Прошло минут пять. Все было тихо.

– Скупнуться бы! Кто со мной? – вдруг снова заговорил старший.

– Ни за жисть не пойду! – помотал головой второй. – Тут за днищем лодки можно схрониться, а как до пляжу пойдешь, оно тебя и схватит! Свиньи – они знаешь, как плавают?

– Свиньи плавают?! – вытаращился на него старший и вдруг, явно подражая взрослому, заржал, очевидно, представляя себе большую свинью, уверенно плывущую в водах Черного моря.

– Тю, бовдур! – обиделся второй. – Конечно плавают! Только кто им даст?

Слушая перепалку, щуплый мальчонка сидел ни жив ни мертв. Ему явно было не до смеха.

– Та Расскажи, шо слышал, – старший резко оборвал смех. – Бо народ такое говорит... Шо за шухер на постном масле? Человек-свинья – откуда оно взялось?

– А я знаю? – загадочно пожал плечами приятель. – Я его за штаны держал, шоб подглядеть, докуда оно вылазит? Люди говорят, та и я говорю.

– Ну, рассказывай вже! – нетерпеливо скомандовал старший и, сделав большой глоток вина, заерзал на неудобном, жестком боку старой лодки, приготовившись слушать.

– Чудище это... Ну, чудовище, которое ходит по окраинам, – поправился мальчишка, – хрен знает, откуда оно взялось! Но все, кто видел его, либо сошли с ума, либо попали к нему на зубы...

– А кто ж тебе рассказал-то? – хмыкнул старший.

– Та не перетыкивай меня, шлемазл! – вдруг рассердился автор страшного рассказа. – А то за чудище вообще говорить не буду!.. – Помолчав, он продолжил. – Так вот, оно ходит по окраинам Одессы, а выходит в полночь. И ест людей. Чудище высокого роста, ходит в плаще, даже летом, в широкополой шляпе. А главное...

– Что главное? – пискнул щуплый мальчишка.

– Главное – оно имеет свиное рыло, из которого торчат острые клыки! Понял? А кто встретит этого свино-человека, тот должен отдать ему не только душу, но и тело, бо это свиное отродье питается только человечинной. И предпочитает маленьких детей!

– Ага, конопатых! – снова засмеялся старший.

– Шо ты ржешь, как конь? – возмутился рассказчик. – Знаешь, за сколько людей оно вже поело? – И, вдруг заговорщически понизив голос, произнес страшным голосом, оглядываясь по сторонам, в темноту: – Мой дядька его видел... В Татарке, в селе этом, что по дороге к Овидиополю. А дядька мой работает в НКВД!

– Шо ж не пристрелил? – посерьезнел старший.

– Стрелял, – кивнул мальчишка. – Так пули его не берут! Дьявольское отродье! Дядька сказал: отродясь не было такого страху.

– А сюда оно не придет? – после долгой паузы прошептал щуплый.

– А кто знает? – ответил рассказчик. – Чудище, сказали, ходит по окраинам. А Лузановка – окраина Одессы, между прочим!

– Так, ну всё! – прикрикнул старший. – Достали уже! Мы сюда шо, за хрень всякую слушать прилезли? Нету никакого монстра! Поняли? Нету! А дядька твой пьяным был – напился да придумал, шоб не погнали из органов!

– Сам ты напился! – Мальчишка возмущенно вскинулся, сжав кулаки. – Да ты...

Резкий, утробный вой вдруг прорезал темноту и плавно перешел в глухой рык, еще долго стелющийся над морем, затихая.

– Мама... – побледнел старший. Щуплый мальчишка вдруг заплакал. Рык повторился, раздался с новой силой. Теперь он звучал все ближе и ближе. Путаясь в штанах, сбивая друг друга с ног, сорвавшись с места, мальчишки изо всех сил рванули в темноту...

## Глава 2



Ночное дежурство началось непривычно рано – около шести вечера, когда, заступив на несколько часов раньше срока, Зинаида Крестовская переступила порог своего рабочего кабинета.

Честно сказать, называть это место рабочим кабинетом было преувеличением. Небольшая клетушка в так называемом «предбаннике», нечто вроде ординаторской. Узкая комната с тремя рабочими столами для врачей и крошечным окном, выходящим напрямиком на бетонный забор.

Сюда не допускались санитары – у них было свое, отдельное помещение. Кроме столов здесь находилась узкая больничная кушетка, на которой можно было прилечь во время ночного дежурства. Ширмой была огорожена тумбочка с примусом, на котором можно было подогреть чайник или что-нибудь приготовить. Немудреная посуда – сковородка, две кастрюли разного размера, тарелки с вилками – хранилась в тумбочке.

Штатных патологоанатомов было трое. Главный – Борис Рафаилович Кац, который практически заведовал всем моргом, Зина и еще один врач, который настолько редко появлялся на своем рабочем месте, что стол его сиял девственной чистотой.

Впрочем, все – и она, и Кац, и санитары – знали, что он усиленно ищет работу, каждый день бегает по всем больницам города в надежде сменить страшный и отвратительный морг на более положительное и престижное место. Проработав всего три месяца, молодой врач не выдержал нагрузки – не столько физической, сколько психологической, и попросту сломался, что происходило сплошь и рядом. И пока степень его деградации не стала зашкаливать до черного цинизма или физического разложения в виде хронического алкоголизма, чем страдали в большинстве своем и врачи, и санитары, он решил сбежать с корабля, который довольно уверенно держался на плаву. Как шутил Кац, пациенты приходят и уходят, а морг будет всегда.

Потому молодой врач мог считать себя чем-то вроде хорька, а вовсе не крысой, бегущей с тонущего корабля. Хотя по мнению Зины, больше он напоминал обычную дрессированную обезьянку, которой вполне подходило бы выступать в цирке.

Что касается ее самой, то с первых же месяцев пребывания на этой работе она заразилась крайней степенью черного цинизма, искренне сдружилась с Кацем, чувствуя в нем родственную душу отщепенца – такого же, как она, – и стала чувствовать себя настолько комфортно, что порой побаивалась саму себя.

Ее «пациенты» были абсолютно безобидны и совершенно согласны со всем. У них больше не было ни любовных драм, ни политических проблем, ни денежных трудностей, ни противоречий с обществом, ни алчности, ни обид, ни тщеславия... Да ничего у них не было! Но, тем не менее, они умели говорить. В своем ледяном молчании они говорили четко и по существу дела, рассказывая, что именно с ними произошло, открывая такие детали, в которых никому и никогда не признались бы при жизни.

А самое главное, они ничего от нее не хотели – ни денег, ни внимания, ни работы на заморскую разведку... Ничего, кроме самой суровой откровенности в свете белых ламп, где без масок и без шелухи предстала вся правда о жестокой жизни – в точности такой, как она была.

Поэтому, сразу почувствовав себя комфортно и спокойно, Зина очень быстро стала правой рукой Каца и во многом разгрузила тяжелую работу переполненного морга, над реформированием отделов которого городское начальство работало каждый год.

Но если бы кто-нибудь ее спросил, что она считает самым отвратительным, невыносимым и психологически тяжелым в работе, Зина, не задумываясь, сказала бы только одно: заполнение бумажек – срочных формуляров и сводок, бесконечное количество бумажной документации... Ворох бумаг... Если сбросить их из самолета, думала Зина, они покрыли бы с верхом весь невысокий морг...

Советская власть отличалась страшным бюрократизмом. На каждое действие требовалась заполненная форменная бумажка с печатью и подписями. Причем бумажки эти следовало заполнять правильно, иначе могло влететь всем.

Иногда бывали такие дни, когда Зина с легкостью проводила 2–3 вскрытия, что отнимало у нее 1,5–2 часа в целом. Зато весь остаток дня, все шесть, а то и семь часов она тратила на заполнение бумажек, которые писала за всех сразу.

Вдруг оказалось, что с заполнением официальных бумажек Зина справляется лучше всех. Она была грамотна, у нее был хороший почерк, за ее плечами была служба в детской поликлинике, где требовалось заполнять карточки. А потому постепенно бумажный поток переключал полностью в руки Крестовской, став ее не проходящей головной болью, которая иногда так сильно действовала на нервы, что Зина бежала на вскрытие, чтобы в сугубо медицинских действиях найти отдушину.

И вот в этот день она пришла на службу раньше, чтобы снова засесть за рабочий стол, который в бумажном море напоминал затонувший корабль под бесконечным количеством справок, документов, формуляров, завалившим даже верхушку настольной лампы! И все эти бумажки нужно было заполнить срочно, желательно – до утра. Тут требовались усидчивость, терпение и внимательность – качества, которые и так необходимы хорошему врачу, но в бюрократической бумажной системе советского государства были доведены до абсолютного абсурда.

В первые месяцы, когда выяснилось, что с бумажками Зина справляется хорошо, она попыталась подключить к этой нелепой работе главного патологоанатома и своего шефа – Бориса Рафаиловича Каца. Но очень скоро поняла, что из этой затеи ничего не выйдет. А потому просто махнула рукой.

В молодости он был блестящим хирургом и гордостью выпуска медицинского института. Его ждало блестящее будущее в любой из городских больниц. Очень скоро Кац получил назначение в кардиологическую больницу – одну из лучших городских клиник города. Он проводил самые сложные операции на сердце. Долгие годы опыта и практики сыграли свою роль – слава

хирурга Каца загремела по всей Одессе. Несколько раз Бориса даже возили в Киев, где он оперировал заболевших членов руководства УССР.

Благодаря своему таланту и успешности операций он избегал «чисток», в которые время от времени попадал из-за своей национальности. Кроме того, не лишними оказывались и документы о его «пролетарском» происхождении, которые ему сфабриковал один из благодарных высокопоставленных пациентов, спасенных Кацем.

Так шло до поры до времени – до того момента, пока к его дому не подъехал черный автомобиль, куда ровно в три часа ночи, прямо в полосатой пижаме, знаменитый хирург и был усажен.

Известие о том, что Кац арестован, повергло одних в ужас, а другим подарило несказанную радость. Как стало известно впоследствии, причиной ареста стал элементарный донос, написанный кем-то из коллег. Каца продержали в застенках полгода.

За эти полгода жена его, русская по национальности, родом из села в Одесской области, в городском управлении НКВД написала отказ от супруга и подала на развод. Стала любовницей высокопоставленного НКВДиста, с его помощью переписала на себя квартиру бывшего мужа и заявила, что все золото, подаренное супругом, забрали при обыске. Впрочем, это не мешало ей красоваться в самых модных ресторанах на Дерибасовской в бриллиантовой гарнитуре, который – и все это знали! – был презентован ей бывшим супругом.

Так бесславно и страшно канул бы в Лету знаменитый одесский хирург, – к несчастью своему, еврей, в документах которого уже появилась – пока карандашом – буква «Р», что означало «расстрел», если б в дело не вмешался все тот же один из его высокопоставленных киевских пациентов.

Узнав, что произошло, он нажал на серьезные кнопки. Настолько серьезные, что из дела Каца стерли карандашную букву «Р», а самого его выпустили из тюрьмы. Как был – в полосатой пижаме и в тапочках на босу ногу – в феврале.

В квартире Бориса Рафаиловича проживала бывшая супруга со своим любовником, и его не пустили даже на порог. Через закрытую дверь бывшая любимая женщина крикнула, что выбросила на помойку все его вещи, и чтобы он навсегда забыл этот адрес. Кац был интеллигентом во многих поколениях и не умел сражаться, а тем более вступать в дискуссию с уроженкой села.

Кровавыми буквами в памяти Бориса Рафаиловича всплыли предостережения его матери, умолявшей не жениться на этой гойке. «Холоймес не в том, шо она гойка, – воздев руки горé, вещала мадам Кац, – а в том, шо она село! У нее тухес вместо усех внутренних органов! Село – это ж диагноз, оно всегда проявляется в поступках!» Но тогда молодой и влюбленный Боря не послушал мать.

Впрочем, что было – то прошло. Каца приютил его друг по университету – очень хороший человек, и, между прочим, этнический украинец по национальности. Он буквально вернул Бориса к жизни и даже выхлопотал для него работу.

Но работа эта была весьма своеобразной. После ареста Кац больше не мог претендовать на работу в больнице. Это было абсолютно невозможно, никакой главврач не стал бы так рисковать. Оставалось только одно место, где он мог устроиться по своей медицинской специальности, – морг. Кац переквалифицировался в патологоанатома настолько блестяще, что вскоре стал главным специалистом. Его талант, направленный в другое русло, дал такие же блестящие плоды. Не было ни одного сложного случая, с которым бы Кац не справился. Он даже в чем-то полюбил свою новую работу. Но не до конца.

С каждым годом осознание того, что блестящий хирург, спасавший людские жизни, режет трупы в городском морге, давило на него все страшней и страшней. Кац стал пить. Все чаще и чаще он запирался в своем кабинете – кроме клетушки-ординаторской, ему был поло-

жен еще один кабинет. И выходил оттуда далеко за полночь с красными глазами, трясущимися руками, распространяя вокруг себя запах дорогого коньяка.

Зинаида сильно переживала за своего шефа, а впоследствии – друга. Несмотря на наносной профессиональный цинизм, Кац был хорошим человеком – добрым, мягким, с открытой душой. Он был интересным собеседником, его умные выводы Зинаида часто вспоминала в самых разных ситуациях своей жизни. И ей было печально наблюдать гложущую его боль.

Кац никогда не напивался пьяным, такого она не видела ни разу. Но от постоянного употребления алкоголя у него появилось дрожание в руках и случались перебои с памятью. Рассеянное внимание еще не мешало в его работе, так как слишком большой опыт часто делал выводы за него. Но вот для заполнения документов это было совершенно невозможно, ведь стоило ошибиться в одной цифре или букве, и всех могли бы ждать очень серьезные неприятности.

И Зинаида полностью освободила шефа от такой обязанности, с болью в сердце понимая, что алкоголь для него – единственная отдушина, позволяющая не сойти с ума. Страшная, но необходимая анестезия, помогающая переносить реальность...

Крестовская успешно расправлялась с очередной стопкой формуляров, как в кабинет вошел ее шеф. На удивление, он был абсолютно трезв, несмотря на вечерний час.

– Всё пишем? Лучше б уж роман написала, – улынулся он.

– Ага, роман! – засмеялась Зина. – Тут у нас такой роман – любой сочинитель закачается! Шли бы вы домой, Борис Рафаилович. Вы же со вчерашнего утра тут. Вечер обещает быть спокойным. Справлюсь и без вас как-нибудь.

– Вот с этим я к тебе и пришел, – лукаво улынулся Кац. – Хочу кое-что на тебя сбросить. Вернее, кое-кого... Или теперь все же – кое-что... Кто зайвится буквально через час.

– И кого же? – Зинаида обернулась к шефу.

– Красотку Аду!

– Борис Рафаилович! – нахмурилась Крестовская. – Вы...

– Не пил, не пил! – засмеялся Кац, замахав руками, как ветряная мельница. Он присел на угол стоящего напротив стола. – Посчастливилось вам, мадам Крестовская.

– Мадемуазель, – машинально поправила Зинаида и прикусила губу, вдруг вспомнив, что к разведенным женщинам действительно принято обращаться «мадам».

– Не цепляйтесь к словам, товарищ! – засмеялся Кац. – Так вот... О чем это я... Ах да! О красоте Аде. Выпал тебе сегодня счастливый случай. Доведется познакомиться с представителем самого знаменитого семейства в Одессе – семейства Барг!

– Барг? Никогда не слышала о таких, – удивилась Зинаида.

– Ну как же! Семейство самых знаменитых одесских ювелиров. В свое время один из них подделал знаменитые подвески Фаберже.

– Яйцо Фаберже, – снова машинально поправила Зинаида.

– Про яйцо Фаберже все и так знают, – махнул рукой доктор. – А я говорю про знаменитые бриллиантовые подвески, которые были проданы в Париже, причем так, что обнаружить подделку смогли только через пять лет после продажи, настолько искусно была сделана стеклянная копия. И что у тебя за манера цепляться к словам! – вдруг очнулся он.

– Подвески! – не отвечая на вопрос, хмыкнула Крестовская. – Прямо «Три мушкетера»! Никогда не слышала про такое.

– Темная советская девица! Что с тебя взять... – комично развел руками Кац. – А между тем это дело ох как гремело по всей империи! Такая реклама была ювелирному дому Баргов!

– И что было этому рекламщику?

– Ну как что – царская каторга на острове Сахалин. Впрочем, жилось ему там неплохо. Ювелира в своем доме поселил сам начальник тюрьмы, а Барг за это переплавлял золотые

изделия и заново огранял камни, отобранные у заключенных и полученные в результате контрабанды, чем тайком промышлял этот самый тюремный начальник. Ведь хороший ювелир всегда в цене. Так что на Сахалине Барг питался исключительно белыми булками и красной икрой!

– Ничего себе каторга! Тоже хочу на такую! – улыбнулась Зинаида.

– Отбыв срок, представитель семейства вернулся в Одессу, к своим многочисленным сыновьям, – продолжал доктор.

– Понятно. И чем занимаются эти Барги сейчас?

– Ну, ювелирное дело они не оставили. Но разные представители семьи Барг и занимаются разным. Среди них есть красный командир времен гражданской войны, есть те, кто уехал в Париж, в Канаду. Есть учителя, циркачи. А сегодня к тебе придет самый младший представитель семейства, Виктор Барг. Он не нарушил семейной традиции и работает ювелиром на ювелирном заводе. А придет он затем, чтобы мы взяли на одну ночь в холодильник красотку Аду – между прочим, его двоюродную тетю. Она двоюродная сестра его матери.

– А вот с этого момента поподробнее, – заинтересовалась Зинаида.

Впрочем, ничего нового в этом не было. Тайком от всех властей можно было взять тело на сохранение в холодильник – конечно, за солидную плату. Было очень тяжело держать тело умершего человека дома, пока шла подготовка к похоронам. Особенно тяжело – в жару. Официально это было запрещено. Но по знакомству или за деньги можно было нарушить правило.

В услуге этой не было ничего страшного – наоборот, она была полезна, если в доме умершего были маленькие дети. И Зинаида всегда недоумевала, почему с такой глупостью создано запретное правило. А потому всегда шла навстречу. В этом была и обратная сторона – получалось хорошо зарабатывать.

– Причина смерти, возраст? Свидетельство о смерти есть? – деловито задавала привычные вопросы она.

– Есть. Коронарный тромбоз. Возраст 65 лет.

– Ей бы еще жить и жить, – вздохнула Зинаида. – А почему красотка Ада?

– Ах, в молодости я был в нее безумно влюблен! – воскликнул Кац. – Для меня она была самой красивой девушкой на свете. Барги мои друзья. Мы дружили с самого детства. Сейчас в Одессе остались только два брата – Леонид и Аркадий. Мать Виктора была дочерью Леонида. А красотка Ада – дочь Аркадия. Таким образом, какая-то там тетя. Я путаюсь в их родстве. Мои родители дружили с обоими братьями. Ада... Ах, Ада... Она славилась своей красотой. Она была на пять лет меня старше, а потому не воспринимала всерьез, считала щенком. Боже, как я страдал! – вздохнул искренне Кац. – Я три раза делал ей предложение. И три раза она отвечала отказом. Красотка Ада... Она вышла замуж за офицера, потом его убили. Ада вышла во второй раз – за нэпмана. Тот повесился, оставив ее с кучей долгов. Потом Ада связалась с артистом оперетты, он стал ее третьим мужем. Но он бросил ее, сбежав с молоденькой девчонкой. В общем, трижды Ада была замужем, и всегда несчастливо. Детей у нее не было. Как и у меня, – тут Кац снова вздохнул. – И я вот думаю, как по-глупому мы оба потратили свою жизнь. Может, мы как раз и были предназначены друг другу... Судьба... И вот теперь она умерла, – Борис Рафаилович печально закончил свой рассказ.

– Мне очень жаль, – Зинаида потупила глаза.

– Поэтому я и бегу, – очнулся доктор. – Не хочу видеть ее труп. Ведь надо осмотреть, нет ли разложения... Ну, ты знаешь. Я хочу сохранить в своей памяти красивую, стройную, юную Аду – в алом платье, с развевающимися на ветру черными волосами, безумно прекрасную, веселую и радующуюся жизни, когда она думала, что все у нее впереди...

– Вы прямо поэт! – улыбнулась Крестовская.

– Приходится, – вздохнул Кац. – В общем, примешь нашего ювелира и возьмешь у него деньги. Дружба дружбой, а табачок – врозь.

– Да уж как всегда! – усмехнулась Зинаида.

– А я улетел на крыльях былой любви.

– Аду поминать? – строго спросила она.

– Не будь ханжой! – воскликнул доктор. – Ада всегда любила жизнь. Веселье, вино, красивых мужчин и хороший коньяк...

– И потому в 65 лет едет к нам, – в тон ему добавила Зинаида.

– У каждого свой срок. Кто знает, когда наш пробьет, кто знает... – И на этой философской ноте Кац удалился, оставив ее наедине с формулярами.

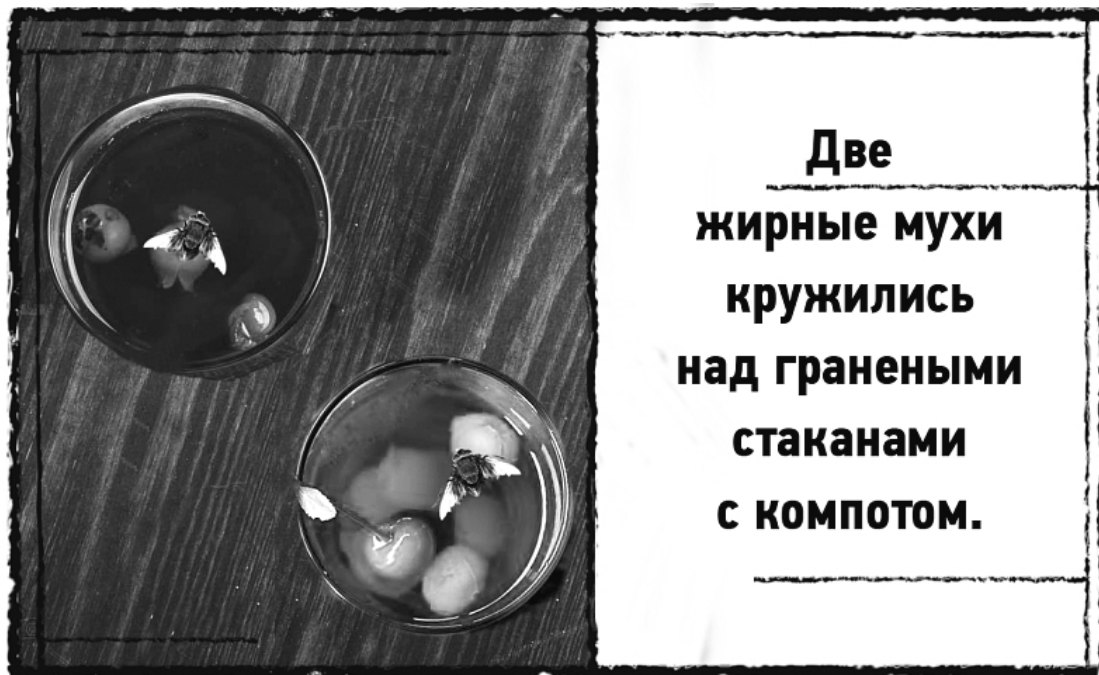
Стемнело. В морге было удивительно тихо. С Крестовской оставались два дежурных санитаров. Один – студент, который все время спал, а второй – подрабатывающий пенсионер лет 70-ти. Он был тихий, непьющий и необычайно религиозный. В комнате санитаров горел свет, и Зинаида знала, что старик сидит там и читает молитвы.

Она вышла в темный двор покурить. Курить Зина начала, устроившись на работу в морг. В первое время ее страшно мучили запахи. Чтобы притупить обоняние, она закурила свою первую папиросу, а дальше как-то пошло... Курение вошло в привычку, и Зинаида не собиралась от него отказываться. А через время запахи прекратились совсем.

На улице было ветрено. Поверх стены забора было видно, как колышутся ветки деревьев. Спичка никак не хотела зажигаться на ветру.

– Вам помочь? – Рядом с ее лицом ярко вспыхнул огонек пламени, и Зинаида увидела высокого темноволосого мужчину, который держал немецкую трофейную зажигалку, явно оставшуюся со времен Первой мировой войны.

## Глава 3



Во дворе было слишком темно. По идее, двор должен был освещать уличный фонарь, но несколько дней назад кто-то разбил лампочку – буквально раздавил с «мясом», и от фонаря остался лишь металлический шест да плафон, при порывах ветра так отвратительно скрипящий в темноте.

Зина сильно подозревала, что с лампочкой расправился кто-то из санитаров в момент очередной попойки, однако прямых доказательств у нее не было. А обвинять просто так ей было неудобно – сказывалось благородное воспитание. К тому же это было чревато тем, что санитар, обидевшись, развернется и уйдет. А искать замену было ох как непросто. Поэтому приходилось терпеть.

Крестовская затянулась папиросой, взглянула на алый, мерцающий в темноте огонек, и посмотрела на незнакомца. К сожалению, черты его лица были видны плохо. И она успела заметить лишь блеск глаз, статную фигуру и высокий рост. Ей вдруг подумалось, что это большая редкость – встретить человека, у которого так бы мерцали и горели глаза, просто светились ярким огнем. У большинства людей из ее окружения глаза были потухшие, блеклые, словно побитые пылью. Они не могли не только мерцать, но, похоже, даже смотреть.

– Вы тоже ждете Бориса Рафаиловича? – спросил незнакомец, у которого оказался достаточно приятный и мелодичный голос с пряными вкраплениями каких-то чувственных ноток... А может, просто от переутомления у нее начались галлюцинации. Или она сходила с ума.

– Простите? – не поняла Зина.

– Вы стоите во дворе морга, и я подумал, что вы здесь по такому же делу, что и я.

– А по какому вы делу?

– Тяжкому. Разве с хорошими делами приходят в морг?

– Ну, не знаю... Не знаю... – Она с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться, ведь этому доморощенному философу пришлось столкнуться с единственным человеком, для которого приход в морг не был плохим делом.

– Будет слишком большой наглостью с моей стороны, если я попрошу вас пропустить меня вперед? – Незнакомец подошел к ней ближе и как-то заговорщически понизил голос.

– В каком смысле? – нахмурилась Зина.

– Видите ли... Вы не подумайте, что я просто или малодушный, или слишком наглый, но это моя тетя, и мне слишком тяжело это все... Простите, конечно. Я просто в первый раз здесь по такому делу, и немного нервничаю. Хотя Борис Рафаилович заверил меня, что все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – улыбнулась она, не думая о том, что в темноте он не видит ее улыбки.

– Ну вот видите! Вы понимаете.

– Конечно понимаю. А почему вы решили, что я к Борису Рафаиловичу по такому делу, что и вы?

– Ну как же... Вы стоите во дворе морга, и вы женщина...

– Понятно, – нахмурилась Зина, вспомнив, что перед выходом во двор сняла больничные халат и на ней была обычная одежда – юбка и блузка с коротким рукавом.

– Извините... А кого привезли вы?

– Никого, – хмыкнула она, – жду вашу двоюродную тетю. Вы ведь Виктор Барг?

– Да. Простите, не понимаю?...

– Борис Рафаилович поручил вас мне. Меня зовут Зинаида Крестовская. Я патологоанатом, – она по-мужски протянула ему руку, и он пожал ее, но как-то слишком слабо. – Ну, где же ваша тетя?

– В моей машине, – растерянно ответил Виктор Барг. – Здесь, в переулке.

– Понятно. Ждите тут, я санитаров позову, – и Зина вошла внутрь.

Старик-санитар действительно читал молитвы при свете настольной лампы. Его напарник, студент, которого они взяли на работу неделю назад, спал. Крестовская принялась – спиртным не пахло. Просто спал – не так уж и плохо.

– Разбуди этого спящего красавца, – сказала она старику, – халтура есть.

Тот сразу засуетился. Молитвы молитвами, но халтура означала живую копейку. На иждивении старика была дочь-инвалид и трое малолетних внуков. Дочь тяжело болела, и в семье было постоянное горе. Зина даже порадовалась в душе, что халтура выпала в дежурство старика. Время от времени она подбрасывала ему пару копеек, иногда даже просто так, считая это более действенным средством, чем молитвы.

Поручив санитарам перенести тело из машины, она завела Виктора Барга в ординаторскую.

– Вы подождите тут, – предложила ему стул, – я должна осмотреть ее. На сколько вы хотите? В смысле сколько суток держать?

– Двое суток желательно. Похороны будут на третьи.

– Документы у вас с собой?

– Вот, пожалуйста, – Виктор протянул ей все бумаги. Зина быстро пробежала глазами заключение врача.

– Вскрытие хотите? – спросила больше для проформы, уже зная ответ.

– Нет, зачем, – Виктор Барг пожал плечами, – тетя умерла своей смертью. У нее было большое сердце, плюс тяжелая жизнь. Незачем тревожить ее после смерти.

– Как скажете. Но это не тревога, – Крестовская пожалала плечами.

– Просто мертвые иногда говорят? – улыбнулся Барг.

Зина чуть не задохнулась от неожиданности – эта фраза была ее собственным изобретением, она сама говорила себе об этом. Как Барг смог так буквально прочитать ее мысли?

Она внимательно взгляделась в его лицо – теперь, при включенном верхнем свете, можно было тщательно его рассмотреть. Еще несколько лет назад он наверняка был очень красив, но

теперь Виктора портило именно лицо – несколько одутловатое, даже отекшее, с мешками под глазами. Это означало, что у него либо проблемы с почками, либо он пьет.

Глаза его были красивыми и блестящими – зеленые, выразительные. Но они постоянно бегали по сторонам. Зина подумала, что это свидетельство несерьезности его натуры либо лживости – тут уж как посмотреть. Ей не нравились люди, которые не смотрят в глаза прямо. Барг не смотрел.

Но, возможно, он просто нервничал в обстановке морга, наверное, тут надо сделать скидку. Это ведь не лучшее место для изучения и анализа человеческой натуры. Здесь теряют храбрость и самые стойкие.

Волосы Барга доходили до плеч – вьющиеся, красивые, когда-то они были черными как смоль, но теперь в них пробивалась седина. Крестовская задумалась: сколько же ему лет? 40, 45? На первый взгляд определить было нельзя. В любом случае, она давно уже не видела такого импозантного, интересного мужчины. И тут Зина с раздражением поймала себя на том, что ей не хочется выходить из ординаторской. Такого с ней не происходило довольно давно.

– Ладно, посидите пока здесь, – сказала она слишком резко, и Барг удивленно вскинул на нее глаза.

Санитары уже успели положить на каталку тело и даже раздеть. Завезли в «смотровую». Так они с Кацем в шутку называли место для осмотра трупов, чтобы определить степень их разложения, поверхностные повреждения, чтобы узнать, в какой отсек везти.

Она приступила к осмотру. Тетя Барга была совершенно высохшей, настолько, что ребра ее проступали сквозь желтоватую кожу. Зина мимоволи подумала, что диагноз поставлен неправильно – при сердечных заболеваниях такой потери веса нет. Тело буквально мумифицировалось.

Работая, она думала машинально о том, что на самом деле похудение – это самый плохой показатель состояния организма. Почему люди не обращают на это внимания? Если начинается потеря веса, то это всегда беда! Куда как лучше выглядит упитанный, пускай даже полный человек, про которого говорят «кровь с молоком». Худые люди ассоциируются со смертью. И сейчас, осматривая тело тети Ады, Крестовская отметила про себя, что никогда еще не получила более наглядного подтверждения этому.

Но смерть родственницы Барга тем не менее была естественной. Во всяком случае, других признаков Зина не обнаружила. Да и следов разложения на трупе не было. Дав инструкции санитарам, в какой именно холодильник отправить тело, Зина тщательно вымыла руки и вернулась к Баргу.

– Вот, – приподнялся он на стуле и положил деньги на стол, – как договаривались. Спасибо вам!

На его лице читалось явное облегчение. Рассчитавшись с санитарями, Крестовская вернулась в ординаторскую. Барг по-прежнему находился в кабинете.

И Зине вдруг страшно захотелось, чтобы он не уходил. Перспектива сидеть в одиночестве до утра показалась чрезвычайно печальной, чего прежде никогда не было. И, сама не понимая, что делает, Крестовская произнесла:

– Хотите чаю?

– Чай? – вскинулся Барг. – Нет, – и начал рыться в своей сумке. Наконец он вытащил из нее бутылку коньяка. – Выпьете со мной? – улыбнулся через силу. – Понимаете, мне сейчас просто необходимо выпить, а я не могу пить в одиночестве! Пожалуйста, – голос его задрожал.

– Понимаю, – вздохнула Зина. – Но как вы сядете за руль?

– А никак, – охотно ответил Барг. – Пешком дойду. Я же живу тут поблизости, на Пастера. А машину утром заберу, когда протрезвею.

– А ваша жена не будет беспокоиться? – вдруг лягнула она и тут же прикусила язык. Ну какое ей дело, женат он или нет? Что такое с ней происходит?

– Я вдовец. – Казалось, Барг не удивился вопросу. – Моя жена умерла три года назад... От пневмонии... Теперь живу я один. Детей у нас не было. Так что никто не будет волноваться.

– Тогда ладно, – Зина села напротив. Она все так же не могла отвести от него глаз. Барг обернулся, нашел взглядом стаканы, стоящие рядом с примусом, поставил их на стол и плеснул туда коньяк. Зина взяла стакан в руку, отпила. От обжигающей жидкости сразу пошло тепло. Она пила коньяк медленно, наслаждаясь изысканным терпким вкусом.

– Можно задать вам нескромный вопрос? – Барг пристально взглянул на нее. – Почему морг? Вы такая красивая, молодая женщина... Почему вы работаете в морге?

– ...Ну, кто-то же должен работать здесь, – Крестовская почувствовала раздражение. – Морг не мусорник. Иногда он важнее больниц. И потом, я люблю свою работу.

– Я не о том... – запнулся Виктор. – Извините, вам мой вопрос не понравился... Просто так говорят, что морг – прибежище неудачников... Ой, простите...

Резкий стук, вернее грохот во входную дверь прервал его на полуслове. И вовремя. Зина уже готова была ответить дерзостью, попросту нахамить.

Звук был настолько необычным, что она резко поднялась с места. Кто-то с силой бил кулаком в дверь.

– Ведь есть же звонок... – раздраженно пробурчала Зина, тем не менее, пошла на стук, уже чувствуя, что этот ночной переполох не принесет ей ничего хорошего.

На пороге стоял НКВДшник. Она не особо разбиралась в форме и в знаках отличия, но по выправке, по манере себя держать сразу поняла, что это офицер – да еще из самых высокопоставленных. Холодное, надменное лицо человека, привыкшего вершить людские судьбы... Его нельзя было спутать ни с кем другим. Даже в полумраке он выглядел так, что по спине Крестовской сразу побежали мурашки.

Рядом с ним, по бокам, стояли два солдата, вооруженных винтовками. За спиной НКВДшника маячил перепуганный Кац. Абсолютно трезвый, как с удивлением помимо воли отметила Зина.

– А... что происходит? Борис Рафаилович... – начала было она.

Вместо ответа офицер широким небрежным жестом просто отодвинул ее с дороги, отшел в сторону коридора, как неодушевленный предмет, и шагнул в помещение. За ним уверенно проследовали два солдата. Кац схватил Зину за руку. Его рука была холодна как лед.

– Молчите... Ой, молчите... – просипел он. – Ох, беда на нашу голову...

Первая мысль, которая пронзила мозг Зины, – кто-то донес про их делишки, что они прячут в холодильнике «левые», не оформленные трупы. Больше ничего подходящего в голову ей не приходило.

Тем временем солдаты вышли и вернулись с санитарями, буквально толкнув их штыками в ординаторскую. У старика-санитара заметно тряслись руки. Следом за ними в ординаторской оказались и Зина с Кацем, как и другие, подчинившись штыкам. Крестовская вздохнула с огромным облегчением, увидев, что Барг каким-то чудом успел убрать со стола стаканы и коньяк. Сообразительности ему было не занимать, она поневоле это отметила.

– Больше никого в помещении нет, – бойко отрапортовал один из солдат.

– Все осмотрели? – не оборачиваясь, бросил через плечо офицер.

– Так точно! Никто не присутствует!

– А этот? – сверлящий, злой взгляд офицера задержался на Барге. – Почему посторонние в служебном помещении? Да еще в такое время?

– Он... э... это... проямлил Кац, побелев как мел. С тоской Зина подумала о том, что старый врач до смерти боится НКВДшника и не может это скрыть.

– Он не посторонний, – тяжело вздохнув, она выступила вперед и потупила глаза. – Это...

– Я ее жених, – вдруг поднялся с места Барг, – ужин принес. Это запрещено законом, принести ужин любимой женщине, которая находится на ночном дежурстве?

– Это так? – Офицер обернулся к Кацу.

– Да-да, конечно... – с облегчением выдохнул тот.

– Ясно. Уходите. В помещении должны остаться только работники. Быстро покинуть территорию! – отчеканил НКВДшник.

– Ухожу-ухожу, – засуетился Барг.

Пытаясь поддержать роль, отведенную ей, Крестовская бросилась Виктору на шею и... неожиданно для себя поцеловала его в губы. К ее огромному удивлению, Барг ответил. Губы его были горячими и податливыми.

Когда за ним захлопнулась дверь, НКВДшник с мертвым лицом обернулся к Кацу:

– Вход запереть. Никого не пускать.

– Но в любой момент могут привезти какое-нибудь тело... – залепетал тот.

– Запереть. Молчать! – Офицер обернулся к солдату: – Стать на входе!

Солдат бросился выполнять.

– Можно узнать, что происходит? – Зина выступила вперед, намеренно стараясь принять удар на себя.

– Городское управление НКВД, 1 отдел. Капитан Асмолов, – наконец НКВДшник повернулся к ней и уставился в глаза. Но это ничего не изменило – голос его оставался таким же мертвым и чеканным. – Сейчас, по нашему требованию, в обстановке повышенной секретности вы проведете вскрытие. Оформлять труп документально не нужно.

– Кто должен проводить вскрытие? – вскинулся Кац.

– Оба. Нам нужны самые точные и подробные результаты, какие только можно получить без проведения лабораторных анализов и исследований.

– Но поймите, это же не всегда возможно... – начал было Борис Рафаилович.

– Значит вы сделаете невозможное, – отрезал Асмолов. – Именно поэтому мы вас сюда и привезли. Но до вскрытия вы подпишете вот это. Все четверо, – кивнул он в сторону санитаров.

Он раздал всем бумаги с гербовой печатью. Это был документ о неразглашении – вверху крупными буквами значилось: «Совершенно секретно».

– А что будет, если мы разгласим? – нервно хмыкнул санитар-студент.

– Расстрел, – спокойно ответил Асмолов и посмотрел на него стеклянными глазами.

Санитар закашлялся и застыл.

Тем временем офицер собрал бумаги и проверил подписи.

– Ничего не записывать, – снова резко заговорил он. – Вскрытие проводить тщательно. После доложите лично мне. Здесь. Пусть санитары заберут тело. Готовьтесь к вскрытию.

– Они имеют право делать это?... – шепотом спросила Зина, когда вместе с Кацем и санитарями уже находилась в прозекторской.

– Я вас прошу, молчите, – голос Бориса Рафаиловича дрожал. – Если это все, что от нас нужно, и если мы хорошо справимся, нас пронесет... Еще раз... сколько уже проносило... не упомянуть...

– Вы что, делали такое раньше? – удивилась она.

– Приходилось. Они могут заставить делать все. Они закон. Единственная власть здесь. Не поспоришь, – горько усмехнулся Кац.

Он подошел к столу. Зина шла следом за ним, думая о том, что никогда в жизни ей не приходилось работать в таких жутких условиях.

– Мужчина. Возраст до 30 лет... От 25 до 30 лет, – поправился он.

Кац начал осмотр, говоря по привычке, так, как говорил, когда данные было необходимо записывать.

– Рост 176 см, вес – 65–68 килограмм. Предполагаемое наступление смерти...

Офицер-НКВДшник развалился на стуле в ординаторской. Он был один – солдаты куда-то исчезли.

– Говорите, – скомандовал он.

– С чего начать? – вздохнул Борис Рафаилович, утирая лоб. Он смертельно устал. Это было видно по его запавшим глазам и глухому голосу.

– Время наступления смерти?

– От 12 до 18 часов назад. Более точно можно будет сказать...

– Этого достаточно, – перебил НКВДшник, – продолжайте. Причина смерти?

– Раны на артерии. Артериальная кровопотеря, – тяжело вздохнул Кац.

– Это означает... что?

– Вам как сказать – прямо или по-научному? – резко вмешалась Зина, не в силах выносить страдания своего коллеги.

– Прямо, – усмехнулся Асмолов, похоже, совершенно не рассердившись на ее выходку.

– Прямо – кто-то прокусил ему горло. Порвал артерию. И в результате большой кровопотери этот человек скончался, – выпалила она.

– Прокусил?... – задумчиво повторил Асмолов.

– Мы обнаружили следы укуса на левой стороне шеи, – вмешался Кац. – Но, понимаете, мы не обнаружили следов царапин...

– Каких царапин? Вы можете объяснить толком? – рассердился Асмолов.

– Если это сделало животное, то оно довольно высокого роста – такого же, как и потерпевший, – Борис Рафаилович начал говорить, как на лекции, чтобы было понятно всем, даже самым недогадливым. – Если бы на него набросилось животное, то на теле мы бы обнаружили следы других укусов, царапин, когтей... Но на теле этого мужчины нет ни одного повреждения, ни одной царапины. Нет и следов падения тела. Есть татуировка на левой руке, в результате чего можно сделать вывод, что это ваш сотрудник.

– Допустим, – Асмолов явно не собирался это отрицать. – А кто нанес раны на шее? Чем они нанесены, каким оружием?

– Это не оружие, – отрицательно помотал головой Кац, – раны нанесены зубами. И, судя по их диаметру... Это зубы волка. Более подробно мог бы показать анализ.

– Зубы... волка? – Было видно, что впервые за все время Асмолов потерял над собой контроль и удивился – совсем как обычный человек.

– Есть одна версия... Возможно, она прозвучит фантастически... – неуверенно произнес Борис Рафаилович.

– Говорите, – скомандовал Асмолов.

– У нас нет оснований сомневаться в том, что на шее жертвы обнаружены следы волчьих зубов. Но, может быть, убийца, ну, человек, просто достал челюсть волка и намеренно нанес раны на шее клыками... Ну, например, когда пострадавший спал.

– Где же он мог взять волчьи зубы? – нахмурился Асмолов.

– Вариантов несколько, – оживился Кац. – Он может быть охотником – и достать у такого же охотника. Ну или у таксидермиста. Каким-то таким образом... Если бы мы могли провести анализы, мы бы определили более точно – зубы живого или мертвого животного нанесли повреждения...

– Обойдемся без анализов, – отрезал офицер. – Что-нибудь еще есть?

– Да, – кивнул Борис Рафаилович. – На теле жертвы... В частности, на груди и на животе обнаружены следы ожогов от кислот.

– От каких кислот? – опешил Асмолов.

– Да, – Кац не давал себя сбить с толку, – такую форму ожогов, такие повреждения причиняет только кислота. Но определить точный состав химической смеси, которой были причинены ожоги, опять-таки, можно только в лабораторных условиях.

– Где ж он мог напороться на кислоты? – как бы про себя хмыкнул Асмолов.

– Понимаете, есть много видов производства, в которых используются кислоты. К примеру, они широко применяются в ювелирном деле, – объяснял Кац. – А эти ожоги на трупе выглядели так... ну так, словно этот мужчина случайно перевернул на себя мензурку или пробирку с кислотой. Вот капли жидкости и попали на грудь и на живот. Но поскольку жидкости было мало, ожоги незначительны. Слушайте, – оживился Борис Рафаилович, – а может, он был в химической лаборатории или мастерской ювелира?...

– Ладно, – оборвал его резко Асмолов, – что еще?

– А еще ваш сотрудник был алкашом, – не выдержала Зина. – Пил он серьезно, и года через три у него развился бы цирроз печени.

– Это к делу не относится! – отрезал офицер, а Кац испуганно дернул ее за рукав халата.

– Забудьте все, что вы видели и делали сегодня ночью, – с этими словами НКВДшник и солдаты покинули здание морга.

## Глава 4



Когда громко и отчетливо захлопнулась входная дверь – как бы отрезав самый большой ужас, который мог бы случиться в их жизни, – Зина заперла на ключ ординаторскую. Затем силой усадила Каца на стул, достала припрятанный под столом коньяк Барга и стаканы и плеснула в них две щедрые порции. Свою выпила залпом.

Некоторое время в комнате держалось молчание – долгое, тягучее, но в то же время такое содержательное и объемное, каким бывает не каждый разговор.

Крестовская не выдержала первой.

– Похоже, он знает, кто это сделал... Вам так не показалось?

– Знает, – кивнул Кац, – или хотя бы догадывается. Несмотря на то что его удивили волчьи зубы. Этого он точно не ожидал.

– Интересно почему... – задумалась Зина.

– Я вас умоляю! Чует мое сердце – лучше нам не знать этого! – искренне воскликнул Кац. Но Зина не унималась.

– Почему это не сделали их специалисты? Ну, я в смысле вскрытия... У них же достаточно своих экспертов. Почему привезли сюда, нам? Да еще вас подняли с постели? – недоумевала она.

– Очевидно, ему было нужно независимое исследование, – пояснил Борис Рафаилович. От коньяка он явно расслабился и охотно поддерживал разговор. – Он не дурак, этот Асмолов, ему нужно было получить квалифицированное обследование. Скажу без ложной скромности: заслужил я уже здесь репутацию, пусть даже вот так... В морге.

– Точно – заслужили! – согласилась Зина, пытаясь хоть так отвлечь шефа от мрачных мыслей.

– Талант не пропьешь! – горько усмехнулся Кац, наливая вторую порцию коньяка и залпом проглатывая ее.

– Но кто его убил – человек или волк? – Зина никак не могла успокоиться, настолько странным казалось ей все происходящее. Весь этот абсурд не укладывался в ее голове – какой

волк в центре Одессы в 1937 году? Из зоопарка сбежал или из цирка? Но в цирке волки не выступают, кажется... Или выступают?... Господи, что за глупость, какие волки? Что здесь, тайга? Но ведь следы зубов она видела своими глазами! Они с Кацем даже специально сравнивали их по таблице. И это были зубы волка! Волк прокусил артерию, и человек истек кровью... Мистика какая-то...

– Не знаю... – задумчиво произнес Кац, и по его глазам Зина поняла, что шеф думает о том же, о чем она. – Человек, скорее... Откуда в наших краях взяться настоящим волкам? Человек. Но какой же странный способ убийства! Никогда не слышал ни о чем подобном – нанести раны на шею зубами животного. Хорошо бы анализ кислот провести! Но нет – так нет...

– А вы уже вскрывали когда-нибудь такой труп? – поинтересовалась Крестовская.

– Нет, что ты, – покачал головой Кац, – я бы запомнил. Когда я еще был хирургом, мне неоднократно приходилось зашивать собачьи укусы, спасать детей да и взрослых иногда. Но с укусами волков дела иметь не приходилось, нет.

– Странно все это... – не могла уговориться Зина.

– Так, – вдруг воскликнул Борис Рафаилович, – ты лучше и не думай! В такие дебри попасть можно, что и жизнь потеряешь, и ничего не поймешь.

– А все-таки интересно почему...

– Нет! – Кац снова перебил ее, стукнув при этом ладонью по столу. – Как там у нас говорят: давай больше не будем говорить за это! Нам надо забыть! Забыть. Как этот сказал: зачем нам оно? Это их проблемы. Не хочу больше... Хватит. И так столько терял за свою жизнь. Так что давай за все забудем. Уже не помню. И ты – забудь, – улыбнулся горько он.

Зине было понятно состояние Каца. Она вполне могла оправдать его страх. Оправдать – но не поступать так же. Она прекрасно знала, что никогда не забудет странных событий этой ночи. Они уже отложились в ее памяти. А самое главное – она и не хотела их забывать...

Конец дежурства выдался напряженным. Завезли несколько трупов из городских больниц, плюс как они их называли, бесхозников – бесхозные, неопознанные тела умерших на улицах. Таких было пять.

К завершению дежурства, когда в холодильниках почти не оставалось мест, они вышли перекурить во двор. Зина все-таки решила поговорить с Кацем. На землю бирюзовой дымкой опускались сумерки. На них было приятно смотреть даже отсюда, из этого страшного места.

Странно, подумала Зина, в этом мире живут люди, для которых наступает спокойный вечер. И в нем нет ни гнилых трупов, ни страшных, связанных с ними забот...

– Интересно все-таки, куда они денут труп? – спросила она, когда Кац, почти докурив папиросу до конца, находился в благообразном, расслабленном состоянии, которое периодически нисходило на него, а она умела такие моменты видеть.

– Ты о чем? – удивленно обернулся он.

– Да все о том же... О трупе с волчьими зубами. Точнее, со следами волчьих зубов. Куда они денут труп?

– Все не можешь уговориться? – Борис Рафаилович нахмурился.

– Не могу. И вы не можете. Такое не выходит из головы.

– Закопают. Где-нибудь. Припрячут. Привыкли, – резко, словно стреляя словами, ответил Кац.

– А как они скроют причину смерти? Выстрелят в грудную клетку из самодельного оружия – мол, в схватке пристрелили бандиты?

– Зина, послушай меня очень внимательно... – Кац посмотрел на нее тяжело. – Я не знаю, что там произошло на самом деле... Да и знать не хочу, если честно. Но больше ни одного слова о том, что произошло ночью! Иначе ты накличешь беду. Ты не понимаешь, что делаешь!

– Борис Рафаилович, да я же ничего не делаю! – воскликнула Зина. – Мне просто очень интересно, почему НКВДшники так засуетились и прячут этот странный труп. Меня детали заинтересовали.

– Да, тебя заинтересовали детали. Любопытство, – Кац осуждающе смотрел на нее. – Но тебе и в голову не пришло, что из-за твоего любопытства другие люди могут лишиться жизни! Неужели ты до сих пор не поняла? Мы все под угрозой! Ты, я, наши санитары, которые были ночью. Нам всем выписан приговор! А твое любопытство – детонатор! И он рванет рано или поздно. Если этот труп так прячут, значит, знают почему...

– Вы хотите сказать, что они сами его и убили? Что этот НКВДшник знает, кто его убил и почему? – Зина широко распахнула глаза, обдумывая новую мысль.

– Все! Хватит! – воскликнул Кац. – Еще полслова... И мы серьезно поссоримся! – Он выглядел не на шутку рассерженным. – Я не желаю слышать ни единого слова об этом ночном трупе, об НКВД и обо всем подробном! Если ты еще раз ляпнешь что-нибудь подобное – пеняй на себя!

– Чего вы боитесь? – Зине было больно от малодушия Каца. – Любопытство – естественное человеческое качество. Неужели они уже забрали это право у вас – право быть человеком?

– Да, забрали, – выдохнув, Борис Рафаилович выдержал ее взгляд. – И у тебя заберут. Когда захочешь выжить. А иначе...

– Но я не хочу все время жить в страхе! – резко ответила Зина.

– А у тебя нет никакого выбора. Ты уже живешь здесь, – невесело усмехнулся Кац. – Что бы ты ни делала, куда бы ни совала свой любопытный нос – у тебя есть палка о двух концах. На одном конце – стремление выжить. На другом – твоя смерть. И если ты думаешь, что эта смерть будет легкой, быстрой, красивой и заслуженной, ты глубоко ошибаешься! Все это будет далеко не так.

– А какая смерть была у человека, укушенного волком? – не выдержала она.

– Ужасная! – бросил Борис Рафаилович и, втянув голову в плечи, быстро вошел в здание, давая понять, что разговор окончен. Зина грустно посмотрела ему вслед.

Кац не сказал ничего существенного, но в то же время сказал многое! Значит, смерть была ужасной. От укуса волка? Или не совсем так?

Глубоко погружившись в свои мысли, Зина отправилась завершать дежурство и собираться домой.

В коридоре коммуналки было тихо. Бесконечный коридор, который никогда не заканчивался. В детстве ей казалось, что он тянется через весь город. Откуда только взялась эта фантазия? Зина и сама не могла этого понять.

Позже, став взрослой, она осознала, что не так уж далеко ушла от истины. Плотная сеть коммунальных квартир, словно сплошное кольцо, окутывала весь город. И все эти бесконечные коммуналки плавно сливались в одну страшную иллюзию общей жизни, на самом деле вызывавшую просто катастрофические последствия. Потому что человеческая жизнь быть общей не может. Не бывает жизни одной на всех...

Уставшая до потери пульса, еле держась на ногах, Зина вставила ключ в замок и, открыв дверь, погрузилась в эту бесконечность длинного коридора. Она была настолько измучена, что темнота и расстояние даже подействовали на нее успокаивающе, убивая абсолютно все мысли, даже мысль о еде. Она устала настолько, что ни о чем, абсолютно ни о чем не могла думать. До тошноты. Так бывало достаточно часто, особенно в последнее время.

Стараясь не шуметь, Зина пошла к своей комнате, минуя кухню. Все, чего ей хотелось, это холодной воды и спать. А потому она вздрогнула, как от удара, когда прямо перед ней выросла соседка тетя Валя, как всегда, упирающаяся руками в свои необъятные бока и заслонявшая весь коридор.

– Зинуля... Ты так не чухай, бо пятки тебе черт зашкваривает... – начала она. – Ты за то послушай, шо я тебе скажу...

– Тетя Валя, я устала очень. Давайте поговорим завтра, – простионала Зина.

– Э, дорогуша, за такое – нет! Не тот фасон. И ты ушами под меня не хлопай. Две минуты за поговорить выдержишь. Тем более, це ж не до меня, а до тебя такой шмарный хмырь приходил.

– Кто приходил? – насторожилась Зина.

– Шмарный хмырь, – еще раз смачно произнесла тетя Валя. – Дочула? Смурной. Рожа скользкая, шо дунайка с Привоза. В глазелки-то так и шась, так и шась!

– Кто приходил? Ко мне? – сдалась Зина.

– Записку до тебя оставил. – Тетя Валя торжественно достала из-за пазухи бумажку. – Грамотей. Только вот рожа кислая. Дай-то Бог, не жених он тебе! От таких женихов – тикать не перетикать! О, глянь!

Она протянула листок, вырванный из тетрадки. Только взглянув на него, Зина удивилась – похоже, человек, который его сворачивал, очень сильно нервничал, подсознательно думая о большой секретности. Явная нервозность писавшего... Какой-то комок... Обычно люди не сворачивают таким образом свои послания.

Так Зина думала, пока не развернула листок, и тогда она убедилась в своих подозрениях. Буквы были прыгающие, неровные. Оборванные. Они словно скакали между строчек. Такую записку мог писать человек в очень сильном душевном волнении, в спешке. В общем, пока все было плохо.

Зина стала читать: «Зинаида, у меня есть некоторые бумаги Андрея. Я хотел бы показать их тебе и поговорить о вещах, которые следует рассказать лично. Буду очень благодарен, если ты придешь ко мне домой, как только получишь эту записку, в любое время! Это очень важно. Мой адрес: Старопортофранковская улица, угол Тираспольской... Ты знаешь... Я жду тебя! Еще раз повторю: это очень важно! Мне нужно посоветоваться с тобой – о бумагах Андрея и не только. Евгений Засядько».

Евгений... Он подписался фамилией своей матери, чтобы подчеркнуть свое пролетарское происхождение. Так он подписывался, когда Крестовскую выгнали с кафедры. Настоящая же фамилия Евгения была Замлынский. И на дверях его кабинета в мединституте красовалась позолоченная табличка «Профессор Е. К. Замлынский». Почему же сейчас он подписался так?

Задумавшись, Зина застыла с письмом в руке. И даже не заметила, как беспардонная тетя Валя выхватила его из ее рук.

– То це про бумаги Андрея... Отого твого жениха, шо тебя перед свадьбой бросил? Оно тебе надо? Пойдешь?

– Тетя Валя! – Зина с возмущением вырвала записку из рук соседки. – Это же мне письмо!

– А шо такое? Подумаешь! Я тебе завсегда заместо матери! Ну прочитала... И шо? Так я манерам не обучена, по-французски не расшаркиваюсь. Или ты завсегда так жить будешь, на французский манер? Так пора бы бросить эти котильоны! А за писульку так скажу тебе: на ночь глядя никуда не ходи! Недоброе он задумал. Плохой это человек.

– Что? – замерла Зина, пораженная странной интуицией тети Вали.

– То! Не ходи по ночам.

– Да я и не собиралась. Устала очень. Завтра с утра пойду, – отмахнулась она.

– А вот я бы и за завтра не шла! – перебила ее тетя Валя. – Едкий хмырь, и глаза недобрые... Ты бы видела, как по двери твоей комнаты шарил! А шо, ее нету, говорит? А я там подожду. Как будто я впущу его, а? Ну хмырь, одним словом. За такое я записку взяла, а он все глазами шась да шась. Недоброе задумал. Хорошо, шо не жених твой.

– Какой жених, тетя Валя! – искренне рассмеялась Зина. – Вы что!

– А почему же ж нет? Все до переду! Только этот хмырь тебе в женихи не подходит. Держись от него подальше.

И, гордо окинув ее взглядом полной победительницы, тетя Валя удалилась в свою комнату, величественная, как фрегат, готовый выстоять перед любой грозой.

Бумаги Андрея... Он давно ушел в прошлое, и Зину больше не интересовало ничего, что было связано с ним. Она не раз говорила это и себе, и Евгению. Почему же он пришел с этим к ней?

Зина попыталась вспомнить, когда видела Евгения в последний раз, и поняла, что это было достаточно давно. В общем, встречаться им было незачем.

Она всегда помнила, что именно Евгений предложил ей эту работу в морге. Тогда, пытаясь уговорить ее, он обещал, что одновременно она сможет преподавать на кафедре педиатрии по своей специальности.

Боже, как же наивна Зина была тогда! Как свято верила, что жизнь ее начнет изменяться к лучшему, и однажды она вернется на университетскую кафедру, и все будет очень хорошо... Зина даже не смогла сдержать усмешки: господи, детские мечты! Евгений не сказал, а интуиция не подсказала: не существует преподавателей из морга. Никто не позволит преподавать на кафедре врачу, который занимается такой работой. И если педиатр вполне может научиться делать вскрытие, особенно при катастрофической нехватке кадров, то работник морга ни за что не сможет преподавать на кафедре. Это была жестокая правда.

В общем, Евгений не выполнил своего обещания – Крестовскую не пригласили читать лекции. Поняв это, она попыталась сунуться на кафедру сама. Ее появление вызвало настоящий шок.

– А где вы работаете?... – Пожилая заведующая кафедрой смотрела на Зину с таким ужасом, словно вместе с собой она притащила труп из холодильника. – Где? Повторите. ГДЕ-ГДЕ?

Это был приговор – такое выражение лица и отвращение в каждом слове, взгляде, вздохе... Кроме того, из разговора с завкафедрой Зина поняла, что Евгений даже не упоминал о ней...

Было ясно, что никто не позволит ей читать лекции по педиатрии. Таким не позволяли читать. Морг был местом отверженных. И такой вот отверженной была она.

Когда Зина все поняла, то даже не попыталась встретиться с Евгением. Зачем? Постепенно – от отчаяния, по необходимости, из любопытства – она все больше и больше погружалась в свою работу, вдохновленная примером Каца, который умел совершать чудеса – разглядеть и понять то, чего вообще нельзя было разглядеть.

На смену отчаянию пришел интерес, а потом и увлечение. Мечта преподавать осталась в прошлом. И вот теперь, держа в руках записку Евгения, Зина вспомнила весь тот путь, который уже прошла.

Странная записка... Почему он обратился именно к ней? И почему только сейчас? Столько времени у него находились бумаги Андрея, а он решил показать их ей только теперь?

Получалась странная нестыковка... Думая об этом, Зина удивлялась все больше и больше. Сон сняло как рукой.

Наконец она не выдержала. Вскочила, переоделась, выпила воды и вышла из дома. Ноги сами понесли ее к Тираспольской. На улице было темно, зажигались уличные фонари.

Евгений жил в высоком четырехэтажном доме на оживленном перекрестке. Место было достаточно шумным. Несмотря на вечер, на улице было много людей и машин. Зина остановилась, пропуская автомобили и поневоле осматривая прохожих, вальяжно, неторопливо расхаживающих по улице. Несколько машин стояли у тротуара.

Из подъезда вышла девочка лет 12-ти с большой черной мохнатой собакой. Та подозрительно покосилась на Зинаиду и гавкнула, похоже, для проформы, чем для острастки, во всяком случае без агрессии и злости, но, тем не менее строго, как по ее, собачьим меркам.

– Вы в этот подъезд? – Девочка доброжелательно посмотрела на Зину.

– Мне в шестнадцатую квартиру, но здесь нет номеров... – запинаясь, ответила она.

– Шестнадцатая – это сюда. Тогда я не буду закрывать дверь, а то вы без ключа не войдете, – все так же доброжелательно сказала девочка. – Мы парадную всегда запираем на ключ, – пояснила она Зине доверительно и придержала дверь, пока та входила в темную парадную, где не было даже тусклой лампочки.

Взбираться Зине пришлось на четвертый этаж. Евгений жил не в коммуналке, а в отдельной квартире. На двери был только один звонок и позолоченная табличка «Профессор Е. К. Замлынский». Было сразу понятно, что Евгений безмерно гордился собой.

Зина нажала кнопку звонка, услышала дребезжание. Но... Ничего не произошло – ответом была полная тишина.

Где же Евгений? Ведь он сам просил прийти в любое время, даже поздним вечером. И вот теперь его нет дома. Зина чертыхнулась: сама виновата. Она ведь знала, что ему доверять нельзя. Притоптывая нервно, Крестовская еще раз нажала кнопку звонка, понимая уже, что это бессмысленно.

– Вы Зинаида? – Внезапно открылась соседняя дверь, и оттуда выглянула щуплая старуха лет восьмидесяти, одетая в теплый байковый халат, несмотря на жаркий июнь.

– Да, – с удивлением обернулась Зина.

– Так Евгений Кириллович просил вам записку передать! Сказал, что придет женщина, Зинаида. Вы с его работы, да? За документами? Ну так вот!

Старуха протянула Зине записку, сложенную точно так, как та, что Евгений оставил у нее дома. Почерк был еще более непонятным. Пытаясь разобрать слова, Зина одну и ту же фразу перечитывала по нескольку раз.

Наконец она поняла: «Прошу прощения, мне понадобилось срочно уехать. Очень прошу прийти завтра в 12 часов дня. Это безотлагательно и важно».

Отчаяние захлестнуло Зину. Ей вдруг показалось, что Евгений играет в какую-то странную игру, которую она не может разгадать.

– А где же сам Евгений Кириллович? – повернулась она к старухе.

– Уехал! Уехал буквально полчаса назад. К нему зашли двое мужчин, потом, спустя минут десять, они все вышли из квартиры и ушли. Я из окна видела, что они в машину сели. А когда выходили, вот он и отдал записку.

– Как эти мужчины выглядели? В форме? – спросила Зина.

– Не-не, – махнула рукой соседка. – Не в форме. Такие себе: брюки, рубашки. А, у одного сандалии на босу ногу были! А лиц я их и не видела, не глядывалась. А зачем это мне? – искренне произнесла она.

## Глава 5



Просторный кабинет с двумя огромными окнами, выходящими во двор, освещала настольная лампа с зеленым абажуром, стоящая на массивном письменном столе. Сводчатые высокие окна тонули в полумраке. В этом мягком, расслабляющем свете кабинет казался уютным. Он был похож на каюту корабля, медленно, но уверенно плывущего через неизведанный океан к берегам, которых никто на свете не видел.

Письменный стол стоял в простенке между окнами. Сверху, в самой видной части стены, в позолоченной резной раме висел портрет вождя. В приглушенном свете казалось, что ухмылка – ехидная, даже едкая – кривит его губы, а потому Сталин выглядел не таким суровым, как обычно. Портрет задавал особенный тон этому кабинету, и становилось понятно, что этого тона надо придерживаться. Суровый лидер своим взглядом не отпускал никого.

Ниже, под портретом Сталина, но уже в простой рамке из темного дерева висел портрет Дзержинского. «Железный Феликс» выглядел как обычно. Это была плохонькая безыскусная литография – такие раньше продавали на любых сельских ярмарках. И было видно, что висит она только потому, что должна висеть, поэтому качество ее никого особо не волновало.

За столом сидели двое мужчин. Один, помоложе, занимал почетное место начальства, находясь за столом привычно, было видно, что он на своем месте, и понятно, что стол, конечно же, принадлежит ему. Но на этом все его «царственные замашки» и заканчивались.

Перед ним, в кожаном кресле, приставленном к столу, сидел человек постарше. Он держался так уверенно, с такой надменностью, что сразу становилось понятно, кто на самом деле является начальством и кого серьезно боится человек за столом, словно потерявшийся вдруг в своем собственном кабинете. Холодный взгляд, надменное выражение лица, гордо поднятый подбородок... Его повадки и манеры были настолько решительны и свободны, что можно было не сомневаться в том, что одним росчерком пера этот человек привык вершить судьбы множества людей. И судьба того, кто сидел за столом, целиком и полностью в его власти.

Молодой и сам это понимал. А потому дрожал, лебезил и заискивал с той отвратительной приторностью, которая просто невыносима. Старший, кстати, прекрасно все видел и понимал,

но позволял ему вести себя так с той долей иронии, которая всегда присуща очень уверенным и здравомыслящим людям.

На столе перед мужчинами стояла бутылка дорогого коньяка, рюмки и чашки с дымящимся кофе. Старший время от времени курил настоящую гаванскую сигару, без всякой картинности поднося ее ко рту и наслаждаясь самим процессом. Ароматный дым клубился под потолком и терялся в тягучей серой дымке, казалось, что потолок просто прячется в темноте.

– Таким образом... мы вот... – дрожал, запинаясь молодой начальник, перекладывая на столе какие-то бумаги трясущимися руками и все не поднимая глаз, – цифры отражены в сводках. Вы все можете проверить.

– Я понял, – старший снова затянулся сигарой и с усмешкой выпустил дым в потолок, – оставим все эти формальности. Как ты понимаешь, я приехал не просто так. Ты помнишь наш разговор месяц назад?

– Дословно помню, – молодой сразу стал серьезным.

– Пришло время, – кивнул пожилой.

– Понимаю, – молодой испуганно моргнул, отчего лицо его на миг приняло глуповатое выражение, – но это... Просто... Там, на шестом километре Овидиопольской дороги... Вы же понимаете, охрана расстреляна. Но слухи...

– Слухи надо обернуть в нашу пользу, – сказал старший, – если ты заметил, я уже использовал одного очень опытного человека. Он выдумал довольно любопытную легенду и уже запустил ее в народ.

– О человеке-свинье я слышал, – обрадовался молодой, что не опростоволосился в глазах начальства.

– Да. Мои информаторы поработали очень качественно. И вот увидишь, нашу легенду будут вспоминать спустя десятилетия! Одесскую легенду о человеке-свинье, который бродит по окраинам города и острыми клыками убивает людей.

– Только почему свинья? – не подумав, ляпнул молодой и тут же затрясся.

– А ты бы предпочел, чтобы говорили о волке? – усмехнулся старший.

– Нет, что вы! Простите, не подумал. Простите мою невнимательность, – младший стал белым как мел.

– Прощаю. Но в следующий раз следи за словами. Помнишь, какой плакат висит в коридоре? Болтун – находка для шпиона! То-то же.

– Я... исправлюсь.

– Разумеется. Иначе я бы к тебе не пришел. Ведь важная часть спецоперации зависит от тебя. Да, кстати, еще один момент. Из всех документов следует убрать эти нелепости про румынскую разведку! Прекратить немедленно. Чтоб ни сном, ни духом. Ну, ты меня понимаешь. Английская разведка, немецкая, французская, все, что угодно. Но никакой румынской с этого дня.

– Я понял. Все будет исправлено. Документы перепишут.

– К завтрашнему вечеру. Все документы.

– Так точно!

– Хорошо. Теперь по существу дела. Ты понимаешь, о чем идет речь?

– О Бессарабии.

– Ты понимаешь, насколько бессарабский вопрос важен для нашей страны? Мы потеряли достаточно земель – Буковину, Бессарабию. Но вопрос Бессарабии рассматривается именно здесь как стратегически важный! Понимаешь почему?

– Близость границы? – предположил молодой.

– Совершенно верно, – кивнул пожилой. – Итак, Бессарабия – головная боль номер один. Я позволю себе небольшой исторический экскурс.

– Разумеется! – младший сидя вытянулся в струнку.

– Чтобы ты имел более четкое представление о том, как уходили земли и насколько важно это для нас сейчас.

– Я очень внимательно слушаю, – младший боялся дышать.

– Не сомневаюсь, – небрежно бросил начальник, снова затянулся сигарой, глотнул коньяка и только после этого продолжил говорить. – После завершения Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской империи часть ее бывших территорий вошла в новообразованные и соседние государства. В частности, Румыния претендовала на Буковину – и на Бессарабию. 3 ноября 1918 года в Черновцах состоялось Буковинское Вече, которое приняло решение о вхождении этих территорий в так называемую Западно-Украинскую Народную республику. Впоследствии, 22 января 1919 года, согласно Акту Злуки, в составе ЗУНР Буковина объединилась с Украинской народной республикой. Это был первый шаг к потере этой земли и бунту против советской власти. После поражения Украины в Польско-Украинской войне Буковина была оккупирована румынскими войсками. Точно так же, как в 1918 году была оккупирована Бессарабия. Таким образом эти территории остались за пределами Советского Союза. Но мы не будем говорить о Буковине подробно. Сейчас мой исторический экскурс про Бессарабию. Как ты думаешь почему?

– Граничит с Одессой? – снова предположил молодой.

– Верно. Значит, основная часть нашего плана будет разворачиваться здесь. Возврат этих территорий – важный план действий для советского руководства. Именно поэтому, когда в руки 9 отдела НКВД попало то, что можно применить в качестве бактериологического оружия для деморализации румынских войск и населения Бессарабии, и был составлен этот план, за который мы с тобой, именно мы, отвечаем лично. Как ты понимаешь, головой.

– Бактериологическое оружие? Но речь шла о вирусе... – Молодой был бледнее мела, руки его тряслись, а в глаза было страшно смотреть.

– Именно. Вирус. Вирус, которым можно заразить некоторое количество людей, и это приведет к самым катастрофическим последствиям. Ты ведь видел эти последствия, так? Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, видел. Но ведь опасность в том, что могут пострадать и наши люди. Наши солдаты.

– Что? – изумился старший. – Ты об этом думаешь? Лес рубят – щепки летят! Руководство готово рискнуть ради воплощения в жизнь этого плана. Просчитаны все ходы.

– Не все, – вдруг произнес молодой, – были свидетели.

– Ну, это твоя работа, – развел руками пожилой. – Зачистка свидетелей. Всех. Абсолютно. Если хоть один свидетель выживет, будешь отвечать ты.

– Я понял. Завтра же с утра...

– Нет. Сегодня ночью. Как только мы закончим с тобой этот важный разговор. Но продолжим дальше наш исторический ликбез. Я попытаюсь тебе объяснить, почему именно теперь за Бессарабию происходит такая серьезная борьба. Многие уже пытаются помешать нам и будут мешать в дальнейшем. Выстоять и победить – наша единственная задача. Для этого все средства хороши.

– Я приложу все силы...

– Да, приложишь. Куда ты денешься? – засмеялся старший. – Но слушай дальше. В январе 1932 года Румыния вступила в переговоры с советской делегацией в Риге. Румынский глава внешнеполитического ведомства заявил, что начались переговоры, «которых мы не желаем, но с которыми смиряемся». Заявил он так потому, что инициатором этих переговоров выступила Франция, и Румыния согласилась на переговоры, не желая терять ее поддержку. Это был серьезный ход.

Договор, который предполагалось заключить между Румынией и СССР, должен был бы действовать пять лет и предполагал ненападение СССР на Румынию. На переговорах в Риге румыны ставили своей целью закрыть бессарабский вопрос, тогда как советская делегация

хотела его письменного признания, на бумаге. Оформить постановку вопроса документально. МИД Румынии запрещал своим дипломатам даже в частных беседах с советской стороной касаться Бессарабии, не говоря уже об обсуждении этого вопроса на встречах.

По инструкции, румынские дипломаты должны были растянуть переговоры о пакте на несколько лет. Но это не удовлетворяло СССР.

Уполномоченный в Риге князь Стурдза предложил формулировку, по которой советская сторона должна была косвенно признать, что Бессарабия принадлежит Румынии. Советское правительство отказалось от такого поворота событий, и переговоры на этом завершились, как и все предыдущие. В общем результата не было.

После переговоров Стурдза написал румынскому премьер-министру письмо, в котором попросту призывал оберегать Бессарабию от СССР.

Таким образом, это был абсолютно явный призыв препятствовать советскому руководству в его законных правах. Бдительность войск на границах была повышена, но ненадолго, – старший замолчал. Отпив уже остывшего кофе, он продолжил. – С тех пор прошло ровно пять лет. И есть все основания полагать, что попытка не военного захвата территории может завершиться успехом. План был разработан совершенно четко. И главное, к чему надо стремиться, это полная деморализация войск, стоящих на границе, и паника среди населения.

Это население должно быть твердо убеждено, что в причинах происходящего ужаса виноваты румыны. Для этого будут сфабрикованы особые доказательства – тоже важная часть плана. Совокупность всех продуманных деталей и четкое выполнение инструкций является залогом успеха. А успех плана – это единственный результат, которого от нас ждут.

– Но этот вирус не изучен! Наша группа ученых только начала работать над детальным изучением, анализами... – попытался вставить начальник, абсолютно потрясенный четкими инструкциями сверху и тем, что он осмелился возражать.

– В помощь будут предоставлены разработки 9-го отдела, – кивнул его страшный собеседник. – Ты же знаешь, что наши специалисты тоже не сидят сложа руки.

– Вы не понимаете. Этот... вирус опасен, он не изучен, – забормотал снова молодой. – Нет никаких разработок по нему! Вообще никаких. Наша группа впервые столкнулась с чем-то подобным, и оказалось, что есть много сложностей. И первая сложность – вирус действует не на всех! Нужно определить, на кого именно он воздействует. Зону поражения. Радиус действия.

– Ну так изучай! У тебя будет достаточно времени для этого. Я не понимаю, в чем проблема! – воскликнул старший.

– В применении... сейчас. Нельзя применять.

– Сделаем вид, что я этого не слышал, – нахмурился начальник, при этом глаза его сверкнули с такой силой, что собеседник уже почувствовал себя в аду. – Ты не понимаешь, что предлагаешь мне. О чем ведешь речь. Все уже спланировано. Разрешение на операцию подписано. Обратного пути нет. Ни у тебя, ни у меня.

– Но ведь носитель вируса даже не уничтожен!

– Это вопрос времени. Когда его ликвидировать, будет инструкция сверху. А пока я приехал только для того, чтобы ввести тебя в курс. Я и ввожу. И запомни: малодушие в наших рядах хуже предательства. Вот, ознакомься на досуге. А сейчас подпиши секретную расписку о неразглашении.

Старший дал бумагу и, тщательно осмотрев свежую подпись, сунул в карман форменного кителя. После этого подтолкнул к собеседнику тонкую кожаную папку, к которой был прикреплен листок бумаги с надписью «ПРОЕКТ ЛУГАРУ».

Задержав окна плотными шторами, Евгений Замлынский метался по квартире, боясь зажечь свет. Только что вернувшись от Зинаиды Крестовской, он первым делом запер входную

дверь на все засовы и замки, потом тщательно зашторил все окна и только так вздохнул более свободно, оказавшись почти в полной темноте.

Впервые в жизни ему было страшно. Страшно так, как не было никогда в жизни, даже в день смерти отца, когда Евгений вдруг четко осознал, что остался на этом свете абсолютно один. Ему было страшно так, что от этого неприятного и незнакомого ощущения даже кружилась голова.

Зачем именно его втянули в этот кошмар? А начиналось так хорошо, так спокойно и даже невинно. Визит старого друга, которого не видел сто лет. Спокойная, размеренная беседа. Ресторан на Дерибасовской. Настоящий виски.

Тихий, вкрадчивый голос:

«Ты пойми, впервые в жизни у тебя есть шанс! Шанс стать кем-то, доказать, что ты и сам способен на многое, без помощи отца. Ты даже не представляешь себе, каких высот ты способен достичь! Ты поставишь на колени весь мир...»

Он никогда и никому не доверял. Почему же доверился теперь? Возможно, потому, что прозвучало имя Андрея Угарова? «Андрей работал на нас. Он стал очень состоятельным человеком. Его жизнь сломала одна-единственная ошибка – то, что он снова вернулся к той странной женщине, с которой уже расстался однажды. Она сломала его будущее, его игру. Я надеюсь, в твоей голове побольше мозгов, и ты не сделаешь такой ошибки?»

Евгений смешался, стал отнекиваться, и на языке у него все время вертелись глупые и как-то по-детски наивные слова о том, что это он, не Андрей, именно он столько лет был влюблен в эту странную женщину, Зинаиду Крестовскую. И его жизнь, его, а не Андрея, должна была быть связана с ней.

Он помнил тот страшный разговор с отцом, когда впервые в жизни признался ему в своей любви к Зинаиде, умоляя не подставлять ее, спасти.

– Любовь – это отлично, – сухо кивнул отец, – и я избавлюсь от любви к тебе самым простым способом. Мне не нужен сын слюнтяй. На кону стоит твоя карьера, все твое будущее. А ты хочешь спустить все это под хвост какой-то вертихвостки. Отлично. Я отправляю тебя в НКВД со всеми твоими прошлыми запасами морфина, которые я сохранил, и сам умываю руки. Я избавил тебя от этой гадости. И ею же тебя утоплю.

Морфий. Веселая компания на первом курсе. Кража – взлом институтского сейфа. Деньги, чтобы добыть морфий. Отцу тогда удалось все прикрыть. Но он сохранил кое-какие доказательства, которые могли стоить Евгению жизни. Он не сомневался ни секунды, что отец поступит с ним, как говорит. А ведь он так любил жизнь. Любил жить.

Евгений смалодушничал. А после этого уже не смел подойти к Зинаиде. Он даже возненавидел ее, боялся говорить о ней. Он знакомил Андрея с другими женщинами. Он радовался, что с Зинаидой у него ничего не вышло. Он так бездарно и малодушно погубил свою жизнь, что невыносимо было находиться наедине с собственной жизнью в темноте. Он, Евгений, боялся посмотреть в глаза своей собственной жизни.

Впервые за столько лет он вдруг подумал о том, что страшно виноват и перед Зинаидой, и перед самим собой. За молчание. За малодушие. За трусливый поступок. За Андрея. За всё. Он виноват. Но теперь не исправить. Разве что... Если Зинаида придет. Недаром он бросился к ней, попав в самую страшную переделку в своей жизни. Он вдруг подумал, что Зинаида единственный человек, который сможет помочь.

Хотя бы разобраться во всем этом! Он больше не мог быть один. Темнота убивала. Но знание убивало тоже. И было неизвестно, что страшней.

Почему же она не идет? Вне себя от страха, превращенный в жалкое, дрожащее существо, Евгений Замлынский метался по квартире. И едва не заплакал, услышав долгожданный звонок в дверь...

На лестничной площадке между вторым и третьим этажом пахло собачьей шерстью. Он почуял этот запах еще снизу, еще даже не входя в парадную. Он забил ему ноздри, вцепился в горло ощущением обостренной чувствительности, привыкать к которой надо было каждый раз. Слишком много запахов, слишком много звуков... И вокруг – красная пелена. Сквозь которую все эти звуки и запахи становятся настолько точными, что он мог назвать их за множество километров. В это не поверил бы никто из людей. Но он уже не был человеком.

На лестнице послышались шаги – кто-то спускался сверху, и он уже знал кто. Запах псины стал абсолютно невыносим! С каким восторгом он вышел бы из своего угла, перестал маскироваться в этой темноте! Но не глупая псина была его целью. Не стоило обнаруживать себя ради пустого развлечения. Ему предстояло заново учиться терпению – терпению хищника, который подкарауливает свою добычу, слившись с лестницей. Тому терпению, которое помогает полностью раствориться в своей цели. И которого никогда не бывает у людей.

Ему выпал дьявольский жребий – жить не таким, как все. Жить настолько отличным от всех остальных, что это полностью отрезало ему дорогу в мир обычных людей. Горькое клеймо отчаяния – быть вечным изгоем, изгнанным из человеческого мира. Какая тяжелая участь выпадает тому, кто не похож на всех!

Он знал это лучше, чем кто бы то ни было. Но этот жребий вечного одиночества был не так уж и плох. Да, он изгнан, он вечно существует в ледяном царстве, и одиночество стало его броней, но...

Он никогда не будет жить в клетке! Это искупительное испытание свободой было также частью его изгнания. Право жить свободным и впитывать людской страх.

По лестнице вприпрыжку спустилась девочка с большой мохнатой собакой. И вдруг замерла. Даже она почувствовала что-то страшное и враждебное там, в темноте. А может, просто дети обладают большей чувствительностью и могут видеть то, чего не видят взрослые? Он не знал. Он умел маскироваться, полностью растворившись в темноте.

– Кто здесь? – тоненьким, дрожащим голосом крикнула девочка, испуганно прижимаясь к псу.

Собака, недобро сверкнув блестящим круглым глазом, вдруг присела на задние лапы и завыла, запрокинув морду к самому верху.

– Пушок! – В голосе девочки задрожали слезы. – Пушок, что с тобой? Ты что?

Вой оборвался испуганным визгом. Пес присел еще больше и стал тихонько поскуливать. Потянув его за поводок, девочка ринулась вверх по лестнице с такой скоростью, что он едва успевал за ней.

Пока длилась эта сцена, он не обращал внимания на запахи, но вдруг почувствовал, что все изменилось. В воздухе появилось что-то еще. Новый аромат... Это был запах пороха. И он приближался.

Запах пороха внушал тревогу. Он чувствовал: сейчас его нет здесь, но он появится – совсем скоро. Это умение предвидеть тоже было частью его страшного дара. Где-то будут стрелять. Совсем близко. Совсем скоро. Выстрела пока не было, но выстрел будет. Он знал это. Но ведь он пришел сюда не за этим! Не для того, чтобы застать чужую смерть! Он пришел за ответом. Ответ был важен, но теперь...

Маскировка была уже не нужна. Плюнув на все, он бросился взбираться по лестнице, двигаясь с такой скоростью, которая невозможна у обычных людей.

## Глава 6



В темноте таились тревожные тени. Проходя мимо закоулков, не освещенных уличными фонарями, Зина поневоле ускорила шаг. Было страшно думать, что может находиться там, в темноте.

Несколько дней назад один из санитаров, студент, который на дежурстве любил все время поспать, принес страшилку – местную легенду, которая якобы пугала весь город.

– Неужели вы никогда не слышали о человеке-свинье? – раскрыл он на Зину глаза. – Ну вы даете! Даже последняя собака знает.

– Рада за последнюю собаку! – вздохнула она. – Ну что это за бред? Ты в детском саду? Ты бы мне еще про Пиковую даму рассказал! Тоже известная детсадовская страшилка. В твоём возрасте пора уже не слушать сказки дошколят!

– Так его видели! – наивно распахнул глаза студент. – Вот честное слово! В Лузановке! И на виноградниках под Одессой. И на окраине Слободки. А про Жевахову гору и говорить нечего. Там всегда чертовщина творится. Люди все видели – и страшную морду, и клыки... Правда!

– Какие клыки? – возвела Зина очи горé. – Где ты видел острые клыки у свиньи?

– У кабана! Вы что! Знаете, какие острые клыки у кабана? Как штыки! Мой дядька однажды такого с охоты приволок... Я тогда в школе учился. Такое страшилище, я вам скажу... Встретишь ночью – не поздоровится.

– Ночью кабаны по городу не бегают, – машинально, не вдумываясь, возразила Зина.

– А человек-свинья – еще как! – Глаза студента аж загорелись, такой интерес вызвал страшный рассказ. – А знаете, как его отличить? По вою! Он выть начинает, а потом внезапно появляется из темноты... Морда с окровавленными клыками! Острыми, как ножи!

– И что он делает этими клыками? – усмехнулась она.

– Как что? Разрывает свою жертву на кусочки!

– На кусочки. Понятно. Ты эти кусочки видел?

– Это как? – удивился студент.

– Ну, где ты работаешь?

– В морге, вроде...

– Вот. И к нам приходили кусочки? Ты их сшивал? Мы в городском морге, правильно? Куда приходят все трупы? К нам. А мы уж дальше составляем на них документы. Ты видел у нас хоть один труп, разорванный на куски?

– Нет. Но это ничего не значит. Может, он их заживо проглатывает! Глокает в смысле. Питается человечинной. Он, человек-свинья.

– Ну прям как в детском саду! – фыркнула Зина. – Когда ты только повзрослеешь! Вот скажи мне, зачем повторять эти глупые рассказы за кем-то и сеять панику?

– Так люди говорят...

– Ну и кому выгодно говорить такое? Сам подумай! Диверсия, не иначе. Будешь повторять – и тебя привлекут. Нет никакого человека-свиньи. Спи спокойно. Нет – и не было никогда.

Тогда Крестовская говорила убежденно и четко. Тогда, несколько дней назад, когда еще не видела трупа с разорванной артерией. Но даже та артерия была делом не кабана... Впрочем, она сама видела труп с прокушенным горлом. Труп, из которого выпустили всю кровь. А потому с особой тревогой вглядывалась в окружавшую ее темноту.

Ускоряя шаг, Зина все время думала о Евгении. Было странно, что он пришел к ней, что оставил такую записку. Содержание ее почему-то внушало тревогу. Ей вдруг подумалось, что этим поступком Евгений просил о помощи. Которую, возможно, она могла оказать. Но что с ним произошло?

Двое мужчин, с которыми ушел Евгений, не давали ей покоя. Это было очень похоже на арест. Почему все это произошло с ним? Было страшно и сложно. Она точно знала, куда пойдет завтра в 12 часов.

До дома Зины оставалось меньше квартала, когда от огороженных забором руин собора отделилась темная тень и шагнула напрямик ей наперерез. В этом месте всегда были слабые фонари – словно специально, огороженные забором руины не освещались. По ночам ей всегда казалось, что большевики стыдятся дела своих рук. Может быть, потому, что именно по ночам особенно остро просыпается совесть?

Силуэт был мужским. От испуга Зина остановилась, буквально замерла на месте, не зная, что предпринять.

– Простите, я напугал вас... – Мужчина отступил на шаг назад, и с огромным удивлением она узнала Виктора Барга, своего нового знакомого, почему-то держащего правую руку за спиной.

– Что вы здесь делаете? – воскликнула она.

– Жду вас. Борис Рафаилович дал мне ваш адрес. Вы уж не ругайте его! Я очень просил.

– Зачем? – удивилась Зина.

– Хотел узнать, все ли с вами в порядке. Я беспокоился о вас. Нехорошо было на душе. Вот, – он резко вынул из-за спины руку и протянул ей большой, ароматный букет красных роз, – вот, это вам!

От запаха цветов у нее закружилась голова. Букет роз! Просто невероятная роскошь! Зина и вспомнить не могла, когда ей дарили цветы в последний раз. Руки сами потянулись к букету, и, не соображая, что делает, она зарылась лицом в ароматные нежные лепестки цветов, головокружительный запах которых всегда уносил ее в другой мир.

В голове мелькнула давно известная истина: ключ к сердцу женщины – букет цветов! Только даря цветы без повода, просто так, мужчина может покорить женское сердце.

– Спасибо вам... Это так неожиданно. Честно говоря, я даже растерялась.

– Этого я и хотел! Я ведь не находил себе места почти сутки. Мне было так тревожно, так страшно. Что с вами произошло?

– О, ничего страшного! Это был просто формальный визит. Потребовался один срочный формуляр... заключение.

– Но о чем? Что случилось? Ради одной бумажки эти НКВДшники подняли с постели Каца?

– Да, так бывает. Формальность. Не думайте об этом.

– А документ, который их интересовал, был о человеке, умершем своей смертью? Или он был убит?

– Я не вдавалась в такие подробности, – Зина вдруг ощутила странный укол тревоги. Видимо, всему виной был профессиональный цинизм. Она вдруг поняла, что несмотря на цветы Барг ее не очаровал. А Зина не доверяла людям просто так.

– Извините, – Виктор моментально почувствовал изменения в ее тоне, – простите меня. Я снова перегнул палку. Вот не умею разговаривать с красивыми женщинами – и все тут!

– Вы о чем?

– Вы очень красивая. Вы знаете это?

– Не знаю, – Зина прищурилась, – к чему вы говорите мне это?

– Я вас люблю.

– Что? – она отступила на шаг назад.

– Я вас люблю. Влюблен в вас.

– Вы сумасшедший?

– Ну да! Я сумасшедший! Только псих способен подкарауливать вас ночью у дома и после случайной встречи признаваться в любви. Но что же делать, если я люблю говорить прямо. Я всегда называю вещи своими именами, не хожу вокруг да около. Вы мне очень нравитесь, и я вас люблю.

– Так любите или нравлюсь? – рассмеялась Зина.

– И то, и то! – В голосе Барга прозвучал какой-то задор. – Так что, могу я надеяться?

– На что?

– На то, что вы пригласите меня к себе.

– Пока нет. Я не приглашаю в дом незнакомых людей. Вы... очень странный, – как-то задумчиво проговорила Зина.

– Ну тогда давайте знакомиться! И для начала я приглашаю вас в Оперный театр. На балет «Жизель».

– Ой... – рассмеялась она, – я сто лет не была в Оперном театре! Это ведь такая сказка...

– Как настоящая одесситка, – прокомментировал Барг. – Мы сто лет не бываем на море и в Оперном. Знаю, знаю. И по Дерибасовской не гуляем, несмотря на то, что живем в двух шагах. Так давайте это исправим! Начнем с Оперного. Потом – на море. На Ланжерон, к двум шарам. Вот скажите мне честно: сейчас уже заканчивается июнь. Сколько раз вы были на море?

– Честно? Ни разу! – снова рассмеялась Зина.

– Вот видите! Точно коренная одесситка. А я был на море всего один раз! Да и то ночью, с другом. Он приехал, и мы пошли гулять. Ночью. А ведь все мое детство прошло на море, у желтой скалы...

– И мое тоже... – вздохнула она.

– Тем более нужно воскресить в памяти! Итак, я покупаю билеты в Оперный, и мы отправляемся в театр! Вы готовы, мадемуазель?

– Мадам... – машинально поправила она, вспомнив разговор с Кацем.

– Тогда мы скоро с вами увидимся!

– Только больше не подкарауливайте меня вот так, по ночам. Это меня пугает.

– Простите меня! Я виноват. А откуда, кстати, вы идете так поздно? От друзей?

– Нет. Гуляла перед сном.

– Понимаю. Разрешите проводить вас до подъезда?

– Спасибо, не стоит.

И, помахав на прощание странному кавалеру, Зина быстро пошла по направлению к своей парадной.

Дома она поставила букет в огромную вазу из граненого хрусталя – невероятно красивую, еще с прошлых времен, и оставила его на столе в центре комнаты. Все вокруг сразу наполнилось благоуханием!

В электрическом свете нежные лепестки роз казались ярко-алыми, почти как свежие капли крови. Артериальной крови – подсказал занудный профессиональный опыт убедительным внутренним голосом.

Зина подошла к зеркалу, внимательно всмотрелась в свое лицо. Тонкие русые волосы – она всегда считала их бесцветными. Короткие ресницы. Серые глаза. Неужели она не видела себя, и на самом деле красива? Так красива, что достойна таких цветов?

Лицо уставшее, с темными кругами под глазами. Губы впалые. Кожа бледная, синюшный оттенок выдает измученность. На лице никакой косметики – не до того. Ногти коротко обстриженные – без признаков маникюра. Понятно, что это не прибавляет рукам красоты. Но как с длинными ногтями проводить вскрытие в медицинских перчатках? И зачем в морге красить ресницы и губы – для покойников?

Всю свою жизнь Зина считала женские ухищрения в украшении своей внешности пустой тратой времени, жалкими и наивными попытками обмануть природу. К чему терять драгоценное время на пустое раскрашивание, если можно с пользой использовать его для важных и нужных вещей? Почитать интересную книгу, к примеру.

И вот впервые в жизни она задумалась о том, как выглядит, какой ее видят со стороны мужчины. У нее не было большого опыта, и судить о себе верно Зина не могла.

Но она точно знала одно – ни Андрей Угаров, ни ее бывший муж, ни даже Дмитрий, пытавшийся использовать ее в своих целях, страшный и жестокий человек, не дарили ей таких цветов. Никогда. Впервые в жизни Зина почувствовала себя... женщиной! И она могла себе признаться – это было достаточно приятное чувство.

Распустив перед зеркалом волосы, Зина долго на себя смотрела, пытаясь словно бы принять свое лицо, узнать его заново, найти привлекательные черты. А в полумраке комнаты пламенили яркие цветы, как капли свежепролитой человеческой крови – артериальной...

Ровно в двенадцать она стояла возле парадной Евгения. День был пасмурным, и это хмурое отражение реальности как нельзя больше соответствовало состоянию ее души. Дверь парадной была заперта на ключ. Как войти? Зина остановилась в нерешительности. Звонков у двери не было.

Неужели Евгений ее не ждал? Было понятно, что обитатели парадной спускаются в нужное время и отпирают двери своим гостям. Евгений не отпер. Почему? Что случилось?

Но раздумья Зины оказались недолгими. Очень скоро дверь дрогнула, выпуская уже знакомую ей парочку – девочку с собакой. Но в этот раз собака выглядела совершенно иначе – и что это был за вид!

Остановившись на пороге, она, категорически отказываясь его переступить, жалобно заскулила и прижалась к ногам хозяйки. Девочка попыталась потянуть поводок, вытолкнуть собаку наружу – тщетно. Пес только жалобно скулил и пятился назад, выражая всем своим видом страшный испуг. Если бы Зинаида была склонна к художественным описаниям, она описала бы его состояние как «первобытный ужас». Глаза собаки слезились, словно ничего не различая вокруг. У девочки тоже выступили слезы.

– Добрый день! Что случилось? – Зина быстро подошла к ним.

– Не знаю... – едва не плакала девочка, – и никто не знает. Но после вчерашнего вечера он такой.

– Не хочет выходить на улицу? И выглядит так, словно его кто-то очень сильно испугал?

– Ну да. Папа тоже сказал, что он сильно испуган. И еще папа сказал, что если и сегодня такое состояние не пройдет, придется приглашать ветеринара.

– Это правильно. Вдруг он заболел?

– Но отчего? Все же было в порядке! Вы же сами вчера видели!

– А как это случилось? Что произошло, когда он стал таким? – Зина по профессиональной привычке стала задавать вопросы.

– Да ничего не случилось. Я не знаю! Вчера вечером, уже после вас, поздно было, мы решили пойти на прогулку – с ним и с папой. Но папа немного задержался, он разговаривал с соседкой. Поэтому мы вдвоем стали спускаться по лестнице, чтобы подождать папу уже на улице, возле парадной. И вдруг... Вдруг он как завизжит! – Кивнула она на пса. – Стал пятиться назад. Скулить. Приседать на задние лапы. А потом пулей помчался наверх, домой. А дома забился под диван! Он никогда так не делал, представляете? Там же тесно! Как он вообще поместился? Мы хотели его вынуть. Но он так жалобно скулил, что папа сказал оставить его в покое. А утром он не хотел выходить. Вышел с трудом, возле парадной сделал свои дела и сразу назад.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.